

ГАЛИНА РОМАНОВА

ВКУС ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Вкус запретного плода

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Вкус запретного плода / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2019 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-099843-2

Поругавшись с зятем и дочерью, Наталья уехала с курорта раньше времени, никого не предупредив о том, что возвращается домой. А через три недели, когда ее семья прибыла в родной город, Наталью они в квартире не обнаружили, равно как и ее вещей. А после заявления в полицию их пригласили на опознание трупа неизвестной женщины, которая, судя по всему, стала жертвой изощренного маньяка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099843-2

© Романова Г. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Романова

Вкус запретного плода

© Романова Г.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Она выглядела достаточно аккуратно и стильно, чтобы не нервничать и не чувствовать себя старой и разбитой. На ней были легкие брюки цвета кофе, совсем немнущиеся. Сложно было поверить, что она сутки провалялась в них на вагонной полке. Просторную бежевую кофточку из натурального хлопка с глубоким вырезом час назад она вытащила из чемодана и надела вместо футболки, в которой спала. Легкие кожаные танкетки на пробковой подошве, шоколадного цвета кепка, под которую она спрятала разлохматившиеся пряди, довершали образ. Образ элегантной женщины средних лет, вернувшейся с летнего отдыха.

Вздохнув, она нацепила солнцезащитные очки, чтобы спрятать уставшие глаза. Схватила за чемоданную ручку и покатила чемодан через зал ожидания к стоянке такси. Она шла легко, красиво. Тонкий хлопок блузки обнимал загорелое стройное тело. Шелковистая ткань брюк не скрывала сильных мышц ее ног. Она всегда следила за собой. Бегала по утрам. Посещала бассейн. Сидела на диетах. Ей вслед смотрели мужчины. Она об этом знала. Она это чувствовала. Поэтому не имела права горбиться, опускать голову и плакать. Она не имела права на слабость. И никто в этом не был виноват. Она сама нацепила на себя ярлык сильной женщины. Теперь вынуждена была расплачиваться.

Такси подкатило тут же, стоило ей остановиться у бровки тротуара. Таксист помог убрать чемодан в багажник. Открыл ей заднюю дверь. Она поблагодарила без улыбки. Сил улыбаться не было. Хотелось поскорее домой. Под защиту своих стен. За тяжелую бронированную дверь. Сбросить с себя дорожные одежды, смыть всю пыль и раствориться в жгучей обиде, от которой дрожали губы и очень хотелось расплакаться.

Потом, уже потом можно будет позвонить дочери и сказать, что добралась отлично. Что замечательно себя чувствует. И что она рада, что приняла решение о преждевременном отъезде. Она устала от жары.

Да, это было неправильно. То, что она собиралась ей звонить. Да, это сильно смахивало на малодушие. И шло вразрез со всеми ее представлениями о гордости. Потому что она не принимала никакого решения о своем преждевременном отъезде. Она об этом даже не думала. Ее буквально выставили из номера. Зять выставил, предложив поселиться в номере в соседнем отеле. Подальше, стало быть, от них. Так и сказал:

– Наталья Пална, мне кажется, так будет правильнее всего.

– Что именно, Гоша? – поинтересовалась она, высокомерно вскинув брови.

Она только-только отходила от их последней перепалки. Проповедуемые зятем методы воспитания ее любимой внучки Наты никуда, по ее мнению, не годились. И час назад они сошлись с Гошей не на жизнь, а на смерть. Дочь Ирка разрыдалась, ушла на свою половину дома, который они арендовали. Зять скрылся там же, оставив последнее слово за собой. А она с Натой принялась складывать сложный пазл, пытаясь отдышаться.

А потом...

А потом зять вышел и предложил ей снять номер в соседнем отеле.

– Так будет правильнее всего, – этими словами он закончил свою речь.

– Что именно, Гоша?

Она еще плохо понимала тогда, что ее просто-напросто выгоняют, ей указывают на дверь.

– Чтобы вы были от нас подальше, – ответил ей зять, не особо подбирая слова.

– Подальше?! От вас?!

Она медленно поднялась с кресла, в котором полулежала, отдыхая после перепалки. Оглядела коренастую фигуру зятя с головы до ног. Сокрушенно качнула головой, вспоминая, как была против брака своей дочери с этим человеком. Глянула на дочь Ирку, выглядывавшую из-за плеча мужа.

– Ира? Ты чего молчишь? Ты что скажешь? – Она ласково улыбнулась ее бледной испуганной мордашке. – Твой супруг меня выставляет вон. Из дома, в котором больше половины комнат пустует. И...

– Мама, так будет лучше, – выпалила Ирка и спряталась за широкой спиной Гоши.

– То есть ты тоже меня выгоняешь?

Она все еще улыбалась. Она все еще не верила, что дочь предала ее. Что она пошла на поводу у этого brutального самца, не стеснявшегося шлепать ее по задку в присутствии матери.

– Так будет лучше, – слабым голосом пискнула дочь из-за спины мужа.

И тогда она обернулась на внучку. На семилетнюю Наташку, названную в ее честь. Уж она-то ее не предаст. Они всегда были подругами. Они всегда были единомышленниками.

– Ната, ты слышала? – спросила она у внучки с усмешкой.

– Да, – кивнула внучка, приводя в движение белокурые кудряшки.

– Твои родители меня выставляют. Выгоняют! – добавила она.

– Я слышала, ба. – Внучка воткнула крохотную деталь в сложный рисунок пазла, подергала плечиками. – Тебя не выгоняют. Тебе просто предлагают поселиться по соседству.

Она всегда была рассудительной. С трех лет. Очень умной и рассудительной. Ее кровь.

– Папа уже подобрал тебе номер в отеле через дорогу. Окна напротив, ба. – Ната вогнала в рисунок пазла еще один фрагмент, легонько постучала кулачком, чтобы тот плотно лег.

– То есть ты тоже не против?

Душа сжалась до размеров ее носового платочка, который она в тот момент комкала в кармане домашних брюк.

– Я не против, ба, – ответила Ната.

– То есть тебе я тоже мешаю?

– Нет, ба. Мне ты не мешаешь. Но, по мнению папы и мамы, ты все время все портишь.

– Да? – Ее брови снова полезли вверх, губы судорожно дергались, когда она спросила: – И что же я порчу у папы с мамой?

– Их отношения.

И взгляд пронзительных голубых глаз из-под белокурой челки внучки был осуждающим. И это ее добило.

– Хорошо. Я вас услышала. Я иду собирать вещи.

Гоша засуетился, заулыбался. Ирка принялась щебетать, строить планы на вечер. Совместный поход в местный театр она запланировала. Ната в их семейном ликование участия не принимала. Продолжала свое занятие. Но когда ее любимая бабушка вышла из своей спальни с чемоданом, тяжело вздохнула и пробормотала:

– Прости меня, ба.

– Все хорошо, Наточка. – Она склонилась над ней, поцеловала ее в висок. – Все хорошо.

Хотя хорошего-то ничего не было. Два самых близких, любимых ею существа только что предали ее. Погнали прочь. И, конечно же, она прошла мимо приветливо распахнутых дверей отеля, расположенного через дорогу от коттеджа, арендованного зятем на месяц. Остановила машину. И перед тем как сесть на заднее сиденье – она всегда в такси там садилась, – глянула на дом, который только что покинула.

Никто не прилип к окнам. Никто не махал ей вслед руками. Никто даже не позаботился, благополучно ли она добралась до отеля или нет. Все решили, что раз она взрослая девочка, то вполне может перейти дорогу самостоятельно.

А может, они ругались сейчас? Ирка с Гошей ругались? Ирка плакала и упрекала мужа в бездушии, а он таким и был – бездушным. Он оборонялся, аргументируя свое бездушие, как всегда, логично. Может, ругались?

Так думать очень хотелось. И, усаживаясь в поезд, она все еще надеялась на телефонный звонок. Надеялась услышать заплывшее Иркино:

– Мамочка, а ты где?

Дочь так и не позвонила. Она не обнаружила ее отсутствия. Они всем семейством сходили на обед, потом отдохнули, затем отправились на пляж. Они там жили по расписанию.

О ней никто не вспомнил. Даже Ната!

Звонок все же случился. Около восьми вечера.

– Мама, ты где? – Голос дочери был раздраженным.

– А что? – ответила она с вызовом.

Она все еще надеялась, что дочь решила навестить ее в отеле через дорогу. Обнаружила пропажу и дико перепугалась.

Она ошиблась.

– Мы уже собрались! – повысила голос Ирка.

– Вы? Куда собрались?

– О господи! Ну, нельзя же быть такой эгоисткой, мама! Мы собрались в театр. Все вместе. Ты не помнишь?

– Нет, не помню.

Ах да, театр. Она чуть не хихикнула. Ирка в качестве отступного решила сводить их всех в театр. Культурное мероприятие, призванное примирить несогласных.

– Мама, мы уже все собрались. Ждем тебя возле входа.

– Входа куда? В театр?

– Ну нет, конечно, – проворчала дочь. – Входа в твой отель.

– Ах, в отель. Ну, дорогая, для того, чтобы ждать меня возле входа в отель... Мой отель! – подчеркнула она неприятным голосом. – Надо бы для начала поинтересоваться, а живу ли я там.

– А ты?

– А я там не живу.

– А где ты живешь?

– В настоящий момент я живу в купе, на нижней полке.

– Что?! Ты... Ты уехала?! – И Ирка громко застонала.

– Да, дорогая, я уехала. Чтобы не создавать никому неудобств.

– Но мы...

– Себе в том числе, дорогая, – перебила ее она. – Я устала от отдыха, от жары. И мучилась там только ради вас. Но коли в моем присутствии никто более не нуждается, я решила уехать.

– Какая же ты... Какая же ты бессовестная! – выпалила дочь и отключилась.

Но она все равно ей позвонит. Вот сейчас, уже минут через семь-десять, доедет до дома. Войдет в квартиру. Снимет с себя дорожные одежды. Примет ванну. Переоденется в любимые домашние лохмотья. Так она называла трикотажные разноцветные балахоны, в которые рядилась дома. Сядет с чашкой горячего чая на лоджии. Вытянет уставшие ноги. И только тогда позвонит своей дочери. Только тогда. Ни минутой раньше.

Ирка прекрасно знала, во сколько приходит именно этот поезд в их город. Они в Иркином детстве частенько им добирались с отдыха. Знала и ни разу не позвонила. Не спросила:

– Мама, как ты добралась?

Не позвонила. Не спросила.

Что это? Равнодушие? Бездушие? Гошкина муштра? Почему ее дочь так изменилась? Почему совершенно не интересуется матерью?

Такси остановилось возле ее подъезда. Она расплатилась. Выбралась на улицу. Поблагодарила таксиста, вручившего ей чемодан. Зашагала к железной двери с кодовым замком. На скамейке у подъезда никого. Слава богу! Не будет лишних вопросов, любопытных взглядов,

удивленного шепота. Она же предупредила пожилых сестер Котовых, стерегущих территорию, что будет отсутствовать до конца месяца. А тут неделя только прошла, и вот она – здрасте, уже вернулась. С чего бы это?

Наталья представила подозрительные взгляды сестер Котовых, их скорбно поджатые бескровные губы, догадливые кивки. И передернулась. Как же хорошо, что двор пуст!

У лифта тоже никто не встретился. Красота какая! В полном одиночестве она доехала до своего одиннадцатого этажа. Еле дождалась, когда тяжелая блестящая дверь отъедет в сторону. Шагнула из лифта и покатила чемодан по коридору к своей квартире.

У двери она чуть замешкалась. Ключи от квартиры куда-то запропастились. Гремели где-то на дне сумочки, а в руки не попадались. О, наконец-то! Ухватилась за брелок в виде красной дамской туфельки. Вытащила ключи, вставила один в нижнюю замочную скважину. Повернула и... вздрогнула. От щелкающего звука за спиной, от резкого дуновения холодного воздуха у нее затылок мурашками покрылся.

Она обернулась. Дверь соседней квартиры, выставленной на продажу пару месяцев назад, была открыта. Из прихожей торчали углы коробок. Значит, кто-то успел вселиться, пока она каталась на моря. Работал кондиционер. Видимо, на полную мощность, из квартиры несло холодом.

– Здрасте, – улыбнулся ей новый жилец, высунувшись из двери, пнул коробку, подвернувшуюся под ноги. – Вернулись?

– Здравствуйте. Вернулась. – Она слабо улыбнулась в ответ. – Вы все же купили эту квартиру?

– Купил. – Он продолжал улыбаться. – Загорели.

– Ну да, есть немного.

Она вдруг смутилась неожиданному мужскому вниманию. В голову полезли какие-то лишние, неуместные мысли, что совсем неплохо иметь в соседях симпатичного холостяка средних лет. А он, кажется, холост.

– Красиво, – мечтательно закатил глаза новый сосед.

– Спасибо, – не отводя от него взгляда, она повернула еще пару раз ключ в замке. – Ну, вы обживайтесь. И заходите вечером на чай.

– С малиновым вареньем?

– Почему с вареньем? Я могу и пирог испечь.

Она могла. У нее получались замечательные пироги. Особенно лимонный, с нежной кисло-сладкой начинкой.

– Я его люблю. Малиновое варенье, – пояснил он, смущаясь.

– Ну хорошо. Будет вам варенье.

Она едва слышно рассмеялась. Вставила второй ключ в верхний замок. Открыла. Распахнула дверь, вкатила внутрь чемодан.

– До вечера?

Она оглядела с головы до ног нового соседа. А ведь он хорош! Странно, что она не смогла рассмотреть этого с первой минуты. Вроде и не молод, но подтянут, мускулист. Лицо обычное, славянского типа, как охарактеризовал бы педант Гоша. Но приятное. Взгляд открытый. Улыбка милая.

– До вечера, – кивнул он.

И вдруг, когда она уже вошла в свою квартиру, когда уже почти закрыла за собой дверь, он окликнул:

– Простите меня!

– Что? – она выглянула из-за двери.

– Простите меня, бога ради. Я не могу попросить вас о помощи?

– Какого рода помощь?

Она толкнула ногой подкатившийся чемодан, быстро глянула на себя в зеркало. Да она прекрасно выглядит! Сутки в дороге, а цвет лица изумительный. Пряди, вырвавшиеся на волю из-под кепки, придавали ей шарма. Одежда свежая, не измятая. Белье она утром в вагонном туалете поменяла.

Что за мысли? Одернув мысленно свой разгулявшийся бред, она вышла из квартиры.

– Чем помочь?

– Да вот, – он смущенно сморщил симпатичное славянское лицо. – Надо кое-что пере-
ставить. Не тяжелое, но громоздкое. Одному не справиться. Не поможете?

– Ну, если это не тяжело.

– Нет, нет.

– Тогда помогу, конечно.

И она вошла в его квартиру.

Глава 2

Кирилл прищурил левый глаз, его коснулся солнечный луч. Значит, времени три пополюдни. Как только солнце перейдет к правому глазу, будет половина четвертого. До конца рабочего дня останется два с половиной часа. Если они пройдут в таком же ритме, то у него есть шанс навестить сегодня родителей. Собирается уже вторую неделю, месяц обещает. И все никак. Непременно что-то отвлечет, обязательно что-то помешает.

Мама вчера в телефонном разговоре долго упрекала его в невнимании, а потом расплакалась и призналась, что невозможно соскучилась. У него в горле запершило от ее слез. И он поклялся себе, что уж завтра-то, то есть сегодня, он обязательно выберется к ним на дачу. И проведет с родителями один из пары отведенных ему начальством выходных. И станет послушно кушать витаминные салаты матери. И с интересом рассматривать обрезанные розовые кустарники. И возможно, даже поможет отцу рыть котлован под небольшой бассейн, который тот планирует подарить будущим внукам.

Солнечный луч замер на переносице, когда зазвонил телефон внутренней связи.

– Начинается! – проворчал со злостью его начальник Федор Иванович Хорцев. – Сейчас непременно какую-нибудь дрянь сообщат. И придется ехать. А до конца рабочего дня два с половиной часа. Надеялся, что все пройдет тихо. И девчонкам своим обещал сегодня вечер семейный. Тьфу!

Хорцев достаточно громко выругался и снял трубку. Принялся слушать и односложно отвечать.

Кирилл почувствовал на правом веке теплое касание солнечного луча. Половина четвертого наступила. Но значения это уже никакого не имело. Планы на вечер пятницы были разрушены. Телефонным звонком внутренней связи. Той самой информацией, которую заслушивал сейчас майор Хорцев и от которой отвратительно бледнел.

– Понял. Выходим, – закончил он слушать и положил трубку на аппарат. – Все, Игнатов. Прием солнечных ванн закончен. Поднимайся. Выезжаем.

Хорцев полез в сейф за кобурой. Кирилл нехотя приоткрыл глаза.

– А может, без меня, Федор Иванович? Я маме обещал сегодня приехать. Лейтенанта Егорову возьмите.

– Лейтенант Егорова сегодня выходная, если ты забыл, – отозвался майор, запирая сейф. – И выезд этот не для нее.

– Что значит, не для нее? – Кирилл подтянул ноги, сел ровно, с хрустом потянулся. – Не для ее мозгов, вы имеете в виду?

– Не для ее тонкой женской организации, – отозвался со вздохом Хорцев. – Там такое... Там такое!

Кирилл медленно поднялся, медленно пошел за начальником. Он уже понял, что дело дерьмовое. На месте преступления они наверняка проторчат до позднего вечера, если не прихватят ночь. И намечающихся выходных точно не будет. Завтра с утра они точно здесь все соберутся, и послезавтра тоже. Будут работать, выдвигать версии, обрабатывать по горячим следам. Метаться по городу будут, беситься от бессилия.

Не просто так бледнел Хорцев, отвечая дежурному. Не просто так.

Но ему не хотелось сдаваться. Не хотелось заранее погружаться в гадкий ужас рабочих будней, поэтому он продолжил бубнить начальнику в затылок, пытаясь отвлечься:

– Это у кого же, по-вашему, товарищ майор, тонкая женская организация? У лейтенанта Егоровой? Да она вздрагивает, когда ее кто-то девушкой называет, товарищ майор. Про таких, как она, говорят...

– Послушай, умник. – Хорцев внезапно остановился у двери, резко повернулся к нему, ткнул указательным пальцем ему в грудь. Глянул недобро. – Не забывай, у меня две дочери. И по этой причине к девчонкам у меня отношение особенное. Уважительное и трепетное. И говорить о девчонках гадости я не позволяю никому. Ты не исключение.

– Егорова не девчонка, товарищ майор, – протянул с обидой Кирилл. – Хотя я давно заметил, что она у вас на особом положении.

– Это на каком?

– Вы всегда потворствуете ее слабостям. Надо выходной в пятницу? Пожалуйста. Отпуск летом? Похлопочу. А я...

– А ты мне нужен сейчас там, капитан, – проговорил, перебивая его, Хорцев. – Со своим острым взглядом. И со своим не совсем нормальным мышлением.

– Спасибо, – фыркнул, не обидевшись, Кирилл.

И снова зашагал за майором, рассматривая обширную лысину на его макушке, едва прикрытую редкой русой порослью.

– Не стоит обижаться, капитан, – отозвался майор через непродолжительную паузу. Они как раз спускались по лестнице на первый этаж. – Все знают о твоём специфичном даре. Странно, но ты часто мыслишь как преступник. Ты как будто читаешь их мысли, капитан. Мне даже иногда неуютно рядом с тобой, капитан Игнатов.

Это он так шутил. Пытался сгладить то, что отчитал Кирилла за девчонок. Он вообще-то был очень миролюбивым и добрым – майор Хорцев. И Кирилла уважал за профессионализм и хватку. И многим ставил в пример. И перед начальством за него заступался. Единственное, чего ему не прощал, так это вольной холостяцкой жизни. Тридцать пять лет уже парню, а он ни о каких серьезных отношениях не задумывается. А пора бы уже, пора.

Они сели в машину Кирилла. Он не терпел выезжать на место преступления на служебном автомобиле. Все время приходилось кого-то ждать. Он раздражался, отвлекался, а в первые часы надо было быть особенно собранным.

– Куда едем?

Он покосился на Хорцева. Тот казался уставшим, все время молчал. И странная бледность, высветившая его частые веснушки, все не проходила.

– Федор Иванович? – Он тронул его за локоть. – Все в порядке?

– Да где уж! Какой тут порядок! – отозвался тот, вздрогнув. – Какой порядок, Кирилл, если такое творится! Поезжай на Звездную. Там расскажу, где сворачивать.

– А что случилось, товарищ майор?

Кирилл тронул машину с места. Ехать было недолго. Соседний микрорайон. Он знал его отлично. Пару лет назад у него там жила девушка. Он с ней провстречался рекордно долго – полгода! Девушка ему нравилась. Он ей тоже. А вот его работа – нет. И несмотря на то что им невероятно славно и комфортно было вместе, они все же расстались.

– Тебе надо искать единомышленника, то есть единомышленницу, капитан, – посоветовал Хорцев, распознав причину мрачности подчиненного. – Она не станет ворчать, когда тебя из-за стола праздничного выдернут или в выходной с постели в пять утра поднимут. Она будет с тобой всегда рядом. До поры до времени. Как моя Галя, к примеру. И когда ей потом пришлось уйти с оперативной работы из-за девочек, она никогда не ворчала. Потому что – что?

– Что?

– Потому что понимала.

Понимающих Кирилла девушек, убей, не находилось. А та, что пришла работать к ним в отдел, совершенно ему не подходила. Даже если бы она все его мысли читала, даже если бы угадывала настроение, даже если бы красавицей была невозможной, она все равно бы ему не подходила.

Маленькая, вредная, заносчивая стервозина. Это про ее характер. А что касается внешности, то тут судьба над ней просто посмеялась, наградив мелким ростом, неразличимой глазу грудью, худыми ногами и скучным, вечно пасмурным лицом.

Что в ней могло нравиться мужчине, Кирилл не представлял.

Глаза? Ну, вроде ничего глаза, карие, крупные. Ресницы длинные. Но вечно злыми какими-то ее глаза были. Взгляд колючим. Рот нормальный, да. Подкрась чуть, было бы сексуально. Но Егорова никогда не красилась. Никогда. И молчать этим ртом, когда надо, не умела. Постоянно сыпала колкостями. И ему очень часто хотелось зажать ее рот ладонью и держать до тех пор, пока Егорова не выдохнется, не умолкнет.

– О чем думаешь, капитан? – окликнул его Хорцев.

– Да так, ни о чем особенно. Что к родителям снова не попаду, – соврал он. – Месяц собираюсь. Мама плачет уже. Отец обижается.

– Это плохо, Кирилл, – сделал строгое лицо майор. – Никуда не годится. Тем более что теперь мы, кажется, так встряли... Что выходных нам с тобой не видать еще очень-очень долго. Если, конечно, ты не проявишь чудеса смекалки и не найдешь убийцу по горячим следам.

– Да что хоть случилось-то, товарищ майор, что?

В животе неприятно заныло, как всегда перед каким-нибудь гадким резонансным делом.

– Сегодня после обеда участковому микрорайона Звездный позвонила встревоженная домохозяйка пожилого возраста и потребовала его явиться к ней немедленно. Будто бы ее заливали соседи с верхнего этажа.

– Так позвонила бы в управляющую компанию, – пожал плечами Кирилл.

– То же самое ей посоветовал сделать и участковый.

– А она что?

– А она ответила, что заливают ее кровью. Полна люстра, мол, налилась.

– Чего?! – Кирилл почувствовал, как шевельнулись волосы на затылке.

– Того! Говорит, соседи сверху залили ей весь потолок кровью.

– Может, краска?

– Участковый и это предположил. На что пенсионерка его обругала, потребовала немедленно явиться, пригрозила прокуратурой. И добавила, что краску от крови она отличить еще может.

– Он поехал и?

– Он поехал. Принялся звонить в квартиру, расположенную этажом выше квартиры пенсионерки. Ему не открыли. Он вызвал представителей управляющей компании. Они с понятиями вскрыли дверь, а там...

– А там? – Кирилл свернул на Звездную. – Здесь куда, товарищ майор?

Хорцев ткнул пальцем в дом номер сорок восемь. Указал на средний подъезд.

– Так что обнаружили в квартире этажом выше, Федор Иванович?

– Два оскальпированных тела и море крови, – скороговоркой выпалил Хорцев, будто боялся, что если начнет с подробностей, то его непременно стошнит.

– Что?! С убитых сняли скальпы?

– Ты правильно понял, капитан. Зачем переспрашивать? – Хорцев поморщился, как от зубной боли.

– Убитые кто? Личности установлены?

– Издеваешься, Игнатов? – возмутился майор, повышая голос. – Эксперта для чего тогда вызвали? Нас с тобой? Если все там установлено, понимаешь!

Кирилл его понял. Тому надо было чуть погневаться, чтобы отвлечься, чтобы не тошнило, чтобы ноги не тряслись, когда станет переступать порог квартиры, где совершено убийство. Хорцев очень не любил вида крови. А когда ее было так много, особенно.

– Ну, там все же участковый. Может, опознал по каким-нибудь приметам жильцов квартиры, или...

– Заткнись! – простонал Хорцев, зажимая рот. И пробубнил из-под ладони: – А то я тебе сейчас прямо на коленки сблую.

– Понял.

Он загнал машину на парковку. Поискал взглядом служебную машину. Еще никто не подъехал. Они первые. Вот именно по этой причине он и ездит всегда на своей. Пока каждого дождешься, пока водитель путевой лист оформит...

– Никого нет, товарищ майор.

– Вижу. – Хорцев отдышался. – Будем ждать.

– А может, я пока пойду? – Кирилл вылез из машины. – Чего время терять?

– Иди, раз приспичило, – ворчливо отозвался Хорцев и нехотя тоже полез из машины. – Я тут эксперта подожду. И остальных.

– Так точно.

– Да, и вон, кажется, тебе помощница явилась.

Кирилл глянул в направлении, куда кивнул майор, и стиснул зубы. Егорова! Собственной персоной! Не сидится ей в выходной день дома на диванчике с меховой накидкой.

Нет, дома он у нее не был. Точно не был! Так, в соцсетях как-то нашел от нефиг делать ее страничку, зашел. Фоток было не густо. Смотреть особо было не на что. Посмотрел и тут же забыл. А вот широченный диван с меховым покрывалом запомнился. И носы ее теплых лохматых тапок, налезających на щиколотки. И меховая подушка на острых коленках. Физиономии Егоровой не было. Только диван, покрывало, тапки, подушка и острые коленки.

Почему-то запомнилось. И даже подумал тогда, что ей, наверное, уютно там сидеть. Перед телевизором с чашкой горячего кофе.

Чего же сегодня-то ей не сиделось на этом диване? Чего в свой выходной притащилась на место преступления? Острых ощущений захотелось на острые коленки? Хорцева – матерого, бывалого опера – и то мутит, стоит ему представить, что произошло в квартире сорок восьмого дома. И время он тянет, дожидаясь группу.

А эта нарисовалась! Дура!

Он не стал ее ждать, пошел широкими шагами к подъезду, возле которого толпились перепуганные жильцы. Но разве она отстанет! Это просто банный лист какой-то, а не лейтенант Егорова!

– Капитан, подождите. Я с вами, – проговорила она, догнав его без труда у дверей. Хрипловатый низкий голос звучал, как обычно, почти без выражения. – Позвонили из дежурки. Рассказали.

– Ух ты, – он притормозил, оглядел ее с насмешкой. – Это кто же такой заботливый, Егорова? Не тот ли сержант, что покрывается щетиной, не успев побриться, а?

– Это неважно.

Она покраснела? Она покраснела! Ух ты. Да у девчонки появилась уязвимая точка. Запретный интерес. Молодой сержант из дежурки – жгучий брюнет с веселыми зелеными глазами. Кирилл-то думал, что ему показалось, когда он застал их шепчущимися у дежурки. А оказывается, нет, не показалось. Эти двое в отношениях?

– Вообще-то Егорова, у тебя выходной, – напомнил он, входя в темный прохладный подъезд и останавливаясь, чтобы осмотреться.

– Вообще-то отгул. И я могу его прервать по своему усмотрению, поскольку официально он нигде не проводится. – Она тоже закрутила головой. – Надо бы здесь все перекрыть.

– Сейчас приедут и все сделают. – Он посмотрел себе под ноги. – Чисто. Как непозволительно чисто в этом подъезде.

Он пошел к почтовым ящикам и прошелся вдоль них туда-обратно. Ткнул пальцем в номер пятьдесят девять.

– Твой сержант не говорил, в какой квартире произошло убийство?

– В пятьдесят девятой. – Егорова шмыгнула носиком. – И сержант не мой. Сержант Управления полиции.

– Угу...

Кирилл достал из заднего кармана джинсов тонкие резиновые перчатки. Успел захватить из ящика стола, где держал солидный запас. Натянул на руки, подергал дверцу почтового ящика с номером пятьдесят девять. Пробормотал:

– Дом номер сорок восемь. Квартира номер пятьдесят девять. Символично. Как думаешь, Егорова, не случаен выбор?

– В смысле?

Она наблюдала, как он открывает дверцу почтового ящика, заперто не было. Вытаскивает целую кучу корреспонденции. Начинает перебирать конверты. Какие-то вскрыл и прочел то, что в них находилось. Ей о прочитанном не сказал ни слова. Все бормотал и бормотал как заведенный:

– Дом номер пятьдесят девять, квартира шестьдесят... Дом номер шестьдесят, квартира семьдесят один...

– Вы о чем сейчас, Кирилл? – не выдержала Егорова его бормотания.

– А?

Он резко на нее обернулся и сморщил лицо, будто увидел нечто его раздражающее. Будто он вовсе забыл о ее существовании и не помнил, что она тут и даже смеет голос подавать.

Она почувствовала, что краснеет снова.

– Капитан, то есть вы хотите сказать, что выбор нумерации не случаен? И что, если тут орудовал маньяк, он нанесет следующий удар именно в такой... По такой системе?

Он так нагло, так самодовольно заулыбался, что она поняла, что попалась.

– Замечу, я ничего такого не говорил, Егорова. Это ты сказала. И про маньяка... – Кирилл сделал страшные глаза и прикрыл рот кончиками пальцев, затянутых в резину. – Не вздумай никому об этом сказать. Если хочешь удержаться на службе и дослужиться до капитана хотя бы.

– Почему?

Она плотно стиснула зубы. То, как вел себя с ней Игнатов, не лезло ни в какие ворота. Он разговаривал с ней как с дурочкой. Смотрел на нее как на уродину. А она, между прочим, не была ни дурой, ни уродиней. Она была лучшей на курсе. И внешность у нее нормальная. То, что она не ходит в обтягивающих коротких юбках и блузках с глубокими вырезами, обусловлено спецификой ее служебных обязанностей. И краситься на работу и делать прически, она считала, нет необходимости. Зачем?

– Потому что тема маньяков у нашего руководства под запретом. Тс-с-с! – Кирилл снова приложил пальцы ко рту. – Представляешь, что будет, если об этом узнает широкая общественность?

– Что?

Она все пыталась заглянуть в те конверты, которые он держал в руках, которые не вернул с остальной рекламной корреспонденцией обратно в почтовый ящик.

– СМИ раздуют скандал, бесконечные брифинги, пресс-конференции, ежедневные отчеты, заседания. Будет так штормить, Егорова, что тебе некогда будет на твоём меховом диване посидеть.

И он отвернулся. И медленно двинулся не к лифтам, к лестнице.

– А откуда вы знаете про мой меховой диван? – спросила она.

Поясница Кирилла, тесно обтянутая черной трикотажной кофтой, маячила перед ее глазами.

– Случайно наткнулся на твою страничку в соцсетях, – нехотя и не сразу признался он.

– И как вам? Мои фотки?

– Долго ржал. – Он бросил взгляд на нее через плечо. – Над твоими тапками. Ноги мерзнут, Егорова?

– Не твое дело, – буркнула она, внезапно перейдя на «ты», и ухватилась за краешки конвертов, мелькавших перед ее глазами. – Что там, Кирилл?

– А там, Егорова, – он выдернул конверты из ее пальцев, не позволил взять их. – А там ответы на многие вопросы, которые у нас возникнут уже через пару минут.

Глава 3

Игорь Васильевич Слепцов рассеянно крутил в пальцах головку брелока сигнализации. Ему следовало давно уже открыть машину. Влезть в нее и подъехать к своим девочкам, которые ждали его на стоянке такси с чемоданами. Они только что прилетели с отдыха. Только что вышли из здания аэропорта. Девочек он оставил на стоянке такси, а сам пошел за машиной. Они всегда оставляли ее на платной стоянке аэропорта до прилета. Он давно уже должен был за ними подъехать, а он все медлил и медлил.

Почему?

Потому что, пока он шел, по пути ему попался газетный киоск. И заголовки крупными буквами сразу трех печатных изданий голосили о таком...

О таком ужасе, что у него на какой-то момент даже дыхание перехватило.

– Боже мой! – ахнул он, выхватив из стопки газету и впившись взглядом в текст статьи. – Боже мой, только не это!

В статье говорилось о зловещем убийстве женщины средних лет и мужчины. Предполагалось, что они были любовниками. Оба были жестоко убиты. Скорее даже, казнены. Подробностей не было. Спасибо цензуре! Труп мужчины был опознан, его вот-вот должны были забрать родственники для погребения. А вот труп женщины до сих пор оставался неостребованным. Он был не опознан. Автор статьи предполагал, что женщина была приезжей, потому что в квартире был найден чемодан с женскими вещами, скорее всего, принадлежащими жертве. И фото чемодана было опубликовано.

Гоша едва не задохнулся, когда увидел это фото. Это был чемодан его тещи. Сто процентов ее чемодан. Таких немного увидишь. Она его из Испании привезла. Купила там задорого.

Далее в статье назывался адрес, где произошло убийство. И это было неподалеку от дома, где проживала его теща. А он знал, что она любила вылезти из такси за пару кварталов от дома и пройтись пешочком. Считала, что движение – жизнь. Конечно, с тяжелым чемоданом не очень-то разгуляешься, но...

Но теща его была с великими, на его взгляд, причудами. И с годами причуд этих становилось все больше и больше. Одно ее бегство с курорта чего стоило! Это надо было так мерзко поступить со всеми ними! С ним, с Ирккой, с Натой. Ната проплакала всю ночь, когда узнала, что ее бабушка уехала, не сказав никому ни слова.

– Она обиделась, да! – кричала на них с Ирккой дочка. – Вы не должны были так поступать с ней, не должны!

– Как, Ната? Как мы с ней поступили? – делал он недоумевающее лицо и разводил руками.

– Вы выгнали ее! – плакала девочка.

– Мы предоставили ей возможность пожить отдельно, малыш.

– Вы выгнали ее, – стояла на своем дочка.

Потом они жестко поссорились с Ирккой. Та тоже пыталась обвинить его в изгнании Натальи Павловны. И даже слушать не хотела, что это было их общее совместно принятое решение.

– Ты настоял! – стояла на своем Ирка и тоже плакала.

Теща не позвонила, когда добралась до дома. Ирка тоже настырничала и не звонила ей.

– Мы ей не нужны, – рассуждала она, надувая губы. – Ей и без нас замечательно. Взяла и сбежала! Не предупредив никого. Мы, как дураки, в театр собрались. Нарядились. Ждем ее, а она...

Ната не звонила бабушке, потому что ей было стыдно.

– Она никогда не простит мне моего предательства, – всхлипывала бедная девочка. И не звонила бабушке.

А он не звонил по понятным причинам: ему это вовсе не было нужно. Ни говорить с тещей, ни извиняться перед ней. Он был совершенно счастлив, не слыша ее высокого звонкого голоса. Исчезли причины для желудочных колик, которые зачастую вызывались одним фактом ее присутствия.

Но вот когда они прилетели, его девчонки мгновенно достали свои телефоны, включили их и принялись названивать его теще.

– Недоступна, – нахмурилась Ирка.

– Телефон бабушки вне зоны, – тут же принялась кусать губы Ната. – Она поменяла номер? Чтобы мы не могли до нее дозвониться?

– Не мели чепухи, Ната, – одернула ее Ирка, но было видно, что она занервничала.

Они набирали номер тещи снова и снова. Результат был одним и тем же – ее телефон либо был выключен, либо находился вне зоны действия сети.

– Ладно, по дороге домой заедем к ней. Навестим. Извинимся, – решила Ирка и подмигнула Ната, которая выдохнула с облегчением. – Все будет хорошо, малыш. Гоша, ступай за машиной. Мы тебя тут подождем.

И Гоша пошел. И наткнулся на газетный ларек. И купил газету с ужасными кричащими заголовками. И уже минут пять пребывал в ступоре, не зная, как сообщить обо всем этом Ирке.

«Ну, ты где? – пискнул телефон сообщением от жены. – Мы устали. Нам жарко».

«Еду», – ответил он ей и полез в машину.

Газету с ужасной статьей он выбросил в мусорный контейнер. Не надо раньше времени страха нагонять. Вот сейчас они приедут к теще, а та дома. Сидит себе на любимой лоджии с огуречными кружками на надменной своей физиономии и просматривает на компе бухгалтерский отчет, который ей прислала ее любимая подруга, она же главный бухгалтер салона красоты, которым владела теща с ней на паях. Вернее, подруга владела одной восьмой салона. Все остальное было тещино.

Кстати, подруга! А не позвонить ли ей? Не узнать ли, с чего это Наталья Павловна вдруг не отвечает своим близким?

Гоша потянулся за телефоном и тут же одернул руку. И уверенно вдавил педаль газа в пол.

Нет, Вере он звонить не станет. Они не терпели друг друга: он и давняя подруга тещи, она же компаньон. Как-то так вышло. И познакомились-то на бегу, и общались не больше часа, но и этого времени хватило, чтобы между ними пробежала черная кошка размером с медведицу. Гоша даже подозревал, что именно Вера гадит в их отношениях с тещей. Настраивает ее против зятя.

Нет, ей он звонить не станет. Пусть уж Ирка сама. Если вот Натальи Павловны дома не окажется, пусть она сама звонит Вере. И выясняет, где ее блудная мать.

Девчонки заждались. Ирка вспотела, волосы разлохматились. Она глянула на мужа злыми глазами и проворчала:

– Только за смертью тебе ходить, Гоша.

И он неожиданно побледнел, вспомнив статью из газеты и фото чемодана, так похожего на тещин.

– Папа, поехали уже, – захныкала Ната и полезла на заднее сиденье.

Он быстро загрузил чемоданы. Они расселись и поехали на тещин адрес.

– Ждите меня здесь, – скомандовала Ирка, открывая пассажирскую дверь и свешивая ноги на землю.

– Мама, я с тобой, – взвыла Ната.

– Нет. Я одна хочу с ней поговорить, – свела брови на переносице Ирка. – Без свидетелей. Нам нужно многое сказать друг другу. Ждите.

Гоша подмигнул дочери в зеркало заднего вида. Та, надув губы, отвернулась. Все еще сердилась на него за бабушку.

– Хочешь мороженого, Натусь? – принялся он подлизываться, когда за Ирккой закрылась подъездная дверь. – Давай сходим в магазин, он тут недалеко. И пока мама говорит с бабушкой, мы с тобой...

– Идем, – быстро сдалась дочь.

Мороженое она очень любила, но матерью оно запрещалось, особенно в жару, особенно когда дочь перегревалась на солнце.

– Только надо быстро, пап, – бормотала Ната, семена рядом с отцом к магазину за углом тещино дома. – Надо успеть купить и по возможности быстро съесть, чтобы скрыть следы преступления.

И Наташка рассмеялась весело и звонко. А он снова побледнел, вспомнив фото из газеты.

Скрыть следы преступления. Какая, по сути, страшная фраза. Почему погибшую женщину так никто и не опознал? Потому что она не была жильцом того дома, где совершилось убийство? Или потому, что ее никто не хватился? А это-то почему? Потому что она одинокая? Или...

Или ее родственники где-то далеко или, к примеру, в отъезде и думают, что все в порядке. Все в порядке с их матерью, тещей, бабушкой.

ТЬфу-тьфу-тьфу! Незаметно для дочери Гоша трижды поплевал через левое плечо. Он, конечно, был бы рад не видаться больше с Натальей Павловной никогда. Но не так это все должно было произойти. Не так трагично, не так страшно. Это должно было произойти естественным способом. По естественным причинам.

Мороженое съесть они с Натой не успели. Когда вернулись, Ирка уже нетерпеливо приплясывала возле машины.

– Ой! – пискнула Ната, пряча руку с мороженым себе за спину. – Папа, мама сейчас ругаться будет.

Но мама даже не заметила их самоволки. Даже не обратила внимания на то, что дочь в летний зной ест мороженое.

– Ее нигде нет, Гоша! – подняла она на мужа бледное лицо, глаза неестественно вытаращились.

– Дома нет?

– Дома нет. В квартире! Ты что, тупой?! – взвизгнула Ирка. – И ее не было!

– Ладно тебе паниковать. Она просто где-то гуляет. Может, в салон подалась. Могла она просто ради приличия там показаться хотя бы раз за месяц?

Это он съязвил. По понятным причинам. Теща, на его взгляд, из рук вон плохо вела свой бизнес. Полностью передоверила все своей подруге, которая наверняка ее обворовывала. За два последних года, по его сведениям, Вера дважды меняла дорогие машины и начала строить дом за городом. Тогда как свои доходы теща называла более чем скромными.

И он предлагал ей, между прочим, свои услуги. Предлагал устроить внезапную проверку всей бухгалтерии. Теща отказалась.

– Я знаю Верочку не один десяток лет, Гоша. Она никогда не стала бы мне врать. И уж тем более обворовывать. А шикает она оттого, что у нее появился очень-очень-очень влиятельный и обеспеченный друг.

И этому Гоша не верил тоже. Вере, как и Наталье Павловне, было под полтинник. И привлекательностью его тещи Вера совершенно не обладала. Была прожорливой и оттого грузной. Сильно косолапила. И что особенно ему казалось неприятным: в разговоре всегда смотрела мимо собеседника. Какой влиятельный, обеспеченный друг? О чем вы?

– Не было ее в салоне. Я звонила Вере.

– Да? Странно.

У него ныла и чесалась грудь, хотелось быстрее домой. Хотелось отвлечься, забыться, не вспоминать про фото чемодана, так похожего на тещин. Про статью со страшным содержанием. И про неопознанный, не востребованный родственниками труп женщины.

Господи, хоть бы она уже отозвалась! Пусть ворчит, пусть обижается, пусть намекает, что он недостойн ее дочери. До сих пор недостойн, хотя они в браке уже восемь лет. Пусть все это будет уже. Чтобы он мог со спокойной душой запереться в ванной с бокалом хорошего виски, погрузиться в ароматную воду, прикрыть глаза и немного помечтать о запретном.

Мечтать ведь не запрещено, так?

– Домой? – спросил Гоша, заводя машину и глядя на встревоженную Ирку старательно отрететированным беспечным взглядом.

– Какой домой, Гоша? Какой черт домой! В полицию поехали! – скомандовала жена.

И он послушался. Хотя очень боялся такого приказа, очень. Там ведь Ирка сразу обо всем узнает. И будет беда. С ней, с его женой. Про Натю он вообще боялся думать. Ее-то точно надо будет как-то оградить от правды.

– В какое отделение ехать, Ириша?

– В районное, Гоша! В районное! – Она сложила пальцы щепотью и помахала ими у него перед носом. – Разве не понятно! Не в МУР же ты меня повезешь!

Он вздохнул и поехал.

Районное отделение располагалось не так далеко. В паре кварталов от микрорайона Звездный. Доехали быстро, без пробок. Хотя сегодня он этому был совсем не рад. Лучше бы они застряли часа на три. Глядишь, за это время и Наталья Павловна бы объявилась. И Ирка бы успокоилась.

– Тебя подождать? – вежливым голосом поинтересовался он у жены, судорожно сующей в карман дорожного комбинезона телефон.

– Нет, уезжай к черту отсюда! – выругалась она.

– Я к тому, что с тобой идти или нет. Ира, прекрати, – попросил он тут же. – Прекрати истерить. Натю перепугаешь.

– Прости. – Она опустила голову и отчетливо всхлипнула. – Я чувствую... Я чувствую, что что-то не так, Гоша. Господи, какая же я дрянь! Я даже не позвонила ей, не спросила, добралась она до дома или нет! Ее никто, представляешь, никто из соседей не видел. Даже сестры Котовы. А они видят все! Где же она?!

Ныть и чесаться в груди стало просто невыносимо. Потому что он, кажется, знал ответ.

– Сидите с Натой здесь. Я одна схожу. – Ирка дотронулась до его руки, сжала. – Одну ее не оставишь. А чтобы она там была, я не хочу.

– Хорошо. Мы тебя подождем. Правда, Натусь?

Он нашел в зеркале заднего вида дочку. Вот ведь! Они даже не заметили, что ребенок, сморенный перелетом, уснул.

Он потом и сам задремал, так долго Ирки не было. Очнулся от странного звука. Дернулся, открыл глаза и тут же наткнулся на Иркину растопыренную ладошку, приплюснутую к стеклу водительской двери. Он нажал кнопку, стекло поползло вниз. Ирина отлепила ладонь, отступила на шаг от машины, давая ему возможность выйти.

– Ната спит? – спросила она хриплым голосом.

– Да, спит. – Он для надежности еще раз заглянул в салон, кивнул. – Да, спит. Что тебе сказали в полиции?

– Я написала заявление. – Она подняла на него сумасшедшие глаза. – Но они его не приняли.

– Почему? – возмущенно откликнулся он.

И уставился на жену. С ней явно было что-то не так. Взгляд неподвижный, тяжелый. Как у душевнобольного человека. Руки висят вдоль тела, хотя она так стоять не любила. Всегда им

находила применение. То в карманы сунет, то воротник поправит, то в сумку полезет. А тут ее руки словно умерли. Они повисли. Безжизненно повисли.

– Они предложили мне для начала... – Она запнулась.

– Подождать возвращения Натальи Павловны три дня? – подсказал он.

А сам уже догадался, уже понял, что ей предложили сделать в полиции. И даже привалился спиной к машине, ноги ни черта не держали.

– Что они тебе предложили, Ирина? – Он странно охрип, когда спрашивал.

– Они предложили мне... Съездить на опознание, Гоша.

Ее правая рука дернулась и потянулась к лицу. Но не вышло ничего у его жены. Ни слезы вытереть, которые побежали по щекам, ни поправить прическу, ее волосы были в ужасном беспорядке. Пальцы сжались в кулачок и спрятались в кармане светлых брюк.

– На опознание?

– Да, – кивнула Ирина, не замечая, что плачет. – Несколько дней назад где-то по соседству с маминым домом произошло страшное убийство. Убили молодого мужчину и женщину средних лет. Мужчину забрали родственники. Женщину не искал никто. Пока. На квартире остался ее чемодан. Это... Это мамин чемодан, Гоша. Судя по фотографии, это мамин чемодан. И они мне предложили...

Ирка качнулась. Упала лицом на его грудь и зашлась в плаче. Он даже не пытался ничего говорить. Все слова бессмысленны в такой ситуации. Это понимали оба. Стояли, обнявшись, и ждали друг от друга сил. А их не было. Был только ужас, слепивший их в единый организм.

– Сейчас Натка проснется. Надо успокаиваться, Ириш. – Он погладил жену по волосам. – Надо успокаиваться и ехать домой.

– Но надо же ехать туда, – ее рука вяло махнула куда-то себе за спину. – Они и адрес морга дали и... Я не могу, Гоша! Я не смогу!

– Все. Успокаивайся. Все. Я сам все сделаю, – пообещал он сгоряча.

– Правда? – Она ухватила за его плечи, заглянула в лицо. – Ты правда это сделаешь? Один?

– Да.

– Потому что я не смогу, Гоша. Не смогу!

– Я все сделаю, – уже тверже пообещал он.

И мысленно обратился за помощью к подруге тещи – Вере. Эта громоздкая баба сможет все. Она и с конем, и с крокодилом сладит. И войдет куда хочешь. Если не сможет опознать тело Натальи Павловны она, не сможет никто.

– Там еще дело в чем, Гоша, – зашептала жарко Ирка ему на ухо. – Тела... Тела были оскальпированы. Их сложно опознать.

– Ты говорила про чемодан Натальи Павловны. Там же ее вещи, – ухватился он за соломинку, надеясь, что не придется смотреть на то, что осталось от тещи.

– Вещи... Вещи все в крови. Все испорчено. Там невозможно... Господи, за что?!

И Ирка повисла у него на руках, потеряв сознание.

Глава 4

– Володя, не провожай меня, милый, не надо.

Настя стояла перед зеркалом в своей прихожей и делала вид, что застегивает блузку. Присутствие мужа за спиной она чувствовала спинным мозгом. Слышала его напряженное дыхание. И почти угадывала течение его тревожных мыслей. Он всегда и всего опасался. Всегда за всех переживал: за нее, за мать, за сестру и племянниц. А теперь, когда в прессе раздули историю погибших при невыясненных обстоятельствах мужчины и женщины, он буквально ходил за ней тенью.

Отвозил на работу. Встречал с работы. Пару раз за минувшую неделю привозил ей в офис комплексный обед. Он...

Он перекрыл ей кислород по всем направлениям! Он лишил ее свободы! И ее запретные свидания с Женей на время пришлось прекратить. А они скучали. Они уже не могли друг без друга. И расставание больше чем на сутки вгоняло обоих в тоску.

Поэтому было решено самим запроситься в командировку, в которую никто не хотел ехать.

– Даже если бы и не было этой командировки, мы бы ее все равно придумали, правда, малыш? – Женя смотрел на нее влюбленными глазами. – Правда?

– Конечно, – неуверенно отозвалась она.

Если честно, она не представляла, как она смогла бы придумать командировку. Ее мужа сложно обмануть подобным образом. Он бы позвонил кому-нибудь или заехал за ней в офис. И подлог раскрылся бы. Не могли же они всех на свете посвятить в свой заговор. Это и стыдно, и опасно. Все равно кто-нибудь да проговорился бы.

А вот когда все по правде, то и бояться нечего.

– Настюша, а кто с тобой едет в эту командировку? Ты, кажется, не говорила?

Это был один из излюбленных приемов Вовы: поймать ее на несостыковках, заставить завратиться. Но если в первые годы это у него выгорало, она часто палилась, и рыдала потом часами, и неделями сидела взаперти, то теперь нет. Теперь она поднаторела в искусстве наставлять мужу рога. И поймать ее можно было только разве на любовнике. Проболтаться она уже не могла.

– Милый, я говорила тебе. Ты забыл, – мурлыкающим, убаюкивающим голосом произнесла Настя, тщательно заправляя скучную блузку в длинную юбку. – Сначала я должна была ехать с Вероникой, но у нее дома случился какой-то форс-мажор. Ей пришлось даже взять отпуск. И теперь со мной едет молодой айтишник. Кажется, его зовут Женя. Но могу и ошибиться. Видела фамилию и инициалы. Имя на букву «Е». Не Екатерина же и не Елена. Так ведь?

– И вы поедете с ним в одном купе?

Острый кадык мужа заерзал вверх-вниз.

– Представь себе! – фыркнула она будто досадливо. – С ним, в одном купе. Хорошо еще, что его девушка с ним едет, развлечения ради. Мне хоть будет с кем словом перемолвиться. А то представляю себе дорогу из трех дней! Сидит этот скучный тип в компьютере, я в женских журналах. И ни слова, кроме доброго утра и спокойной ночи. Ужас! Хорошо, что девушка его едет.

– Да, хорошо. – Вова заметно расслабился. Легонько коснулся ее шейных позвонков указательным пальцем. – Ну, раз у него есть девушка, значит, не такой уж он и скучный, айтишник этот.

– Возможно. Мне это, если честно, все равно. Я еду туда много и напряженно работать. Обещали премию.

– Не помешала бы. – Володя покосился на вешалку, где болталась его старая кожаная куртка, которую он все никак не решался выбросить. – Может, наконец удастся что-то мне купить. На замену этой ветоши.

– Конечно, купим, милый!

Настя повернулась к нему и, пряча счастливую улыбку, прижалась лицом к его груди. От футболки мужа неприятно пахло кухней. Он только что закончил готовить обед себе и двум своим племянницам, которые обещали к нему заскочить после лекций в институте.

– Но ты и себя не должна забывать, – тихонько дул он ей на макушку. – У тебя износились осенние сапоги.

– Потерю набойки ты называешь «износились»? – Смех все же вырвался, хотя и не слова мужа были тому причиной. – Я их еще не один сезон поношу.

И, помня о скопидомстве мужа, Настя добавила:

– Это жуткое расточительство: покупать сапоги через сезон. Так никаких денег не хватит.

Она с облегчением выпрямилась. Погладила мужа по небритой щеке. Если ему не надо было на работу, он никогда не брился. Экономил лезвия.

– Ну, мне пора. – Она ухватила за чемоданную ручку. – Не провожай, а то я расплачусь. И какой тогда из меня работник!

Они расцеловались у порога. Настя вышла из дома. Спустилась в лифте на первый этаж. Села в служебную машину, которая всегда отвозила сотрудников на вокзал и встречала там же. И уже через полчаса переминалась с ноги на ногу возле открытой двери спального вагона.

Она не спешила усаживаться. Женьки еще не было. Воспользоваться служебным автомобилем он побоялся, потому что Настин муж мог все же выйти ее проводить, хотя бы до машины. И он где-то встрял в пробке на такси. Она теперь ждала.

Но это было даже неплохо. Взгляд ее, внимательный, напряженный, прыгал по лицам людей, высматривая не только любовника. Взгляд ее искал еще и мужа Володю.

Он запросто мог отправиться следом за ней на вокзал и проследить за тем, как и с кем она уезжает. И хотя она нигде пока не обнаружила его нескладную долговязую фигуру, и вряд ли бы он потащился жарким воскресеньем через весь город, Женьку она все равно снабдила очень строгими инструкциями. Проколотся на последних минутах они не должны были ни за что.

– Доброе утро, Анастасия, – чопорно поздоровался с ней ее любимый, подводя к вагону какую-то странную деваху в мешковатых одеждах и старомодных очках. Духи ее были отвратительными. – Познакомьтесь, это Лиза.

Лиза молча кивнула и от рукопожатия отказалась. И в вагон полезла с ними вместе, успев на ходу что-то шепнуть проводнице.

Все прошло как по маслу. Они вошли в купе, которое они с Женькой выкупили полностью за свои деньги. Женя тут же принялся рассовывать их багаж под нижние полки. Лиза застыла у двери, нетерпеливо поглядывая на часы. Настя прилипла к окошку.

Она все еще боялась увидеть в толпе провожающих своего ревнивого недоверчивого супруга.

Его нигде не было. Тьфу-тьфу-тьфу!

– Провожающих просьба покинуть вагон, – принялась вопить в коридоре вагона проводница. – Поезд отправляется через минуту.

– Ну, я пошла. – Лиза схватилась за дверную ручку. – Счастливо оставаться, голубки.

– Спасибо, Лизок. Я твой должник. – Женька сжал кулак и постучал им по груди в районе сердца. – Как договаривались?

– Угу, как договаривались. – Она скупно улыбнулась и вышла из купе.

– Кто это был? – спросила Настя, не поворачиваясь.

Ей все еще не давала покоя мысль, что Володя мог приехать следом, и прятался в какой-нибудь нише, и подглядывал из-за фонарного столба.

– Моя студенческая подруга. Мой кореш, другим словом. – Женя запер дверь купе и встал сзади. – Она всегда и во всем меня выручала.

– А если бы мой Вова ее прижал? Она бы...

– Не расколослась ни за что. – Руки Жени легли ей на бедра и осторожно потянули вверх длинную юбку. – Что на тебе надето, милая? Что это за рубище?

– По-твоему, я должна была ехать в чулках и подвязках? погоди. Еще не тронулись. – Она толкнула его задом. – Вдруг он здесь?

– Кто?!

– Мой муж!

– У тебя паранойя, дорогая.

Он послушно отошел от нее, присел на краешек нижней полки, дождался, когда вагон судорожно дернется, станет медленно набирать скорость, и лишь тогда прилип к ее телу сзади...

Лиза спрыгнула на насыпь не совсем удачно. Сильно подвернула левую щиколотку. Она уже была прежде травмирована и теперь при каждом неудобном случае подворачивалась.

Сегодня случай был особенно неудобным. Она выручала студенческого друга, в которого тайно была влюблена. Она, кажется, даже самой себе боялась признаться в том, что любила Женьку. Потому что у нее не было ни малейшего шанса завоевать его. Ни единой мечты о нем, способной сбыться. Просьбу побыть немного его девушкой она восприняла как подарок небес. И даже хотела надеть на себя что-нибудь понаряднее.

– Лизок, оставь. Это ни к чему, – остановил он ее возле распахнутого шкафа.

– А разве мы никуда не пойдём?

Она-то размечталась до вечеринки, куда будет его сопровождать. А еще успела подумать, что он мог позвать ее на деловую встречу. И чтобы произвести впечатление, пригласил ее: умную, серьезную, способную поддержать разговор.

Оказалось, что сопровождать Женьку нужно на вокзал. Довести до купе, потом купе покинуть. Но выйти из вагона она должна будет не на перрон, а на обратную сторону. Чтобы ее, если что, никто не заметил.

– Сделаешь, Лизок? – спросил Женька, глядя на нее счастливыми ясными глазами.

Она сделала. И теперь морщилась от страшной боли в левой щиколотке. И еле тащилась по железнодорожной насыпи вдоль рельс в обратную от железнодорожного вокзала сторону.

Так Женька велел. Потом он велел ей слиться с толпой, вернуться домой и на время забыть обо всем.

– До следующего раза, Лизок.

Ей очень хотелось крикнуть ему в лицо, что следующего раза не будет. Хватит уже ему ее использовать.

Хотелось, но не смогло. Если она ему откажет хотя бы раз, она его вовсе не увидит. Никогда. Им всецело завладеет эта шикарная женщина с потрясающей фигурой, способная выглядеть потрясающе даже в скучных нарядах. Лицом дама тоже была чудо как хороша. Но, к радости своей, Лиза заметила бросающуюся в глаза разницу в возрасте. Дама была лет на десять старше Женьки, и это было очень заметно.

Поиграется и бросит ее, решила Лиза, ковыляя по шпалам. Потом еще одну и еще одну. А она всегда будет рядом. Всегда придет ему на помощь.

– Что-то случилось, милая? Не помочь?

Лиза вздрогнула и остановилась. Оглянулась на голос и никого не увидела. Только рельсы и насыпь. И обрывающийся металлической лестницей перрон. Она, собственно, к этой лестнице путь и держала. Оставалось метров пять до нее, и она снова окажется среди людей. И ей не будет так страшно от голоса, который шел как будто из-под земли.

Лиза сделала еще несколько неверных ковыляющих шагов по направлению к лестнице. И снова тот же голос окликнул ее:

– Может, помочь тебе? Ты ведь любишь помогать людям. Может, и тебе помочь?

Господи! Это наверняка муж той красивой возрастной дамы, с которой у Женьки случился роман. Женька предупреждал Лизу о нем. Говорил, что тот страшно хитер. Что обмануть его непросто. Именно по этой причине он просил Лизу спрыгнуть из вагона на противоположную сторону от перрона.

Неужели он все время следил за ними? За всеми ними? Но почему он пошел именно за ней? Почему? Вошел бы в вагон, застал бы свою жену-изменщицу в Женькиных объятиях и устраивал бы там разборки, а не подстерегал ее здесь, в паре метров от лестницы, ведущей вверх.

Она наконец рассмотрела его. Мужчина стоял, сильно согнувшись, возле одного из столбов, на которых держались толстые плиты перрона. Лица его не было видно, но то, что мужчина был высоким и худым, она рассмотрела. Еще рассмотрела серые старомодные брюки и черную футболку. Успела подумать, что в такой одежде ходит двадцать процентов мужского населения планеты. И тут же побежала.

Она неплохо бежала, хотя боль в травмированной щиколотке простреливала до бедра. И даже успела вскочить на лестницу и преодолеть четыре ступеньки. Оставалось еще десять. Это ерунда! Она справится. Она уже слышит голоса людей, которые либо приехали, либо провожали, либо собирались уезжать. Если что, она закричит.

– Какая ты быстрая, девочка, – проворчал мужчина где-то внизу, где-то за ее спиной. – погоди ты! Не спеши! Я просто хочу поговорить. Просто хочу спросить.

И тогда она завизжала. Пронзительно, громко, во всю силу своих легких и глотки. И его пальцы, успевшие схватить ее за левую кроссовку, разжались, выпустили.

– Мапочка, мапочка, мапочка, – бормотала она и неслась по перрону, толкая людей локтями, коленками. – Помоги... Помоги... Помоги...

Она прыгнула в первый подошедший к остановке автобус. Через две остановки обрадовалась, поняв, что автобус идет как раз к ее общежитию. Села за водительским местом, сжалась в комок и зажмурилась.

Куда он ее втянул?! Как он мог так рисковать ею?! Она же верная, любящая, она же...

Слезы просочились из-под зажмуренных век. Лиза громко всхлипнула, тут же распахнула глаза и огляделась. Никому нет до нее дела. И хорошо! Ей сейчас чужое внимание ни к чему. Ей надо успокоиться. Вернуться в общежитие, запереться в своей комнате, сварить крепкий кофе на спиртовке и хорошо все обдумать.

– Лиза, привет, – улыбнулась ей приветливо соседка по этажу. – Чего такая хмурая? Ой, да ты плакала, что ли? А в пыли вся почему?

Лиза только сейчас обратила внимание, что колени ее широких штанов и локти объемного тонкого свитера выпачканы. Результат неудачного приземления. Она неловко прыгнула. И щиколотку травмированную подвернула. И та, зараза, ноет невыносимо. А потом еще бежала вверх по лестнице, помогая себе руками. Вот и вымазалась.

Соседка не уходила, стояла и ждала объяснений. Она такая была – прилипчивая, дотошная. Вечно всех контролировала. Такая вся из себя староста на общественных началах. То, что они два года как не студенты и живут в студенческом общежитии на семейном этаже только потому, что работают в университете, ее вовсе не смущало. Она продолжала быть старостой.

– Лиза, что стряслось? Тебя обидел кто? Женька?

– Нет. – Лиза замотала головой. – Никто меня не обижал.

– А плакала почему? – не унималась соседка Таня, вставив полные ручки в полные бока.

– Женьку провожала, – решила она сказать ей полуправду, не отстанет ведь.

– Причина слез понятна. Расставание с ним для тебя горе, – согласно кивнула девушка, чья дверь располагалась напротив Лизиной. – А в пыли-то почему?

– Поезд пыталась затормозить, – неумело пошутила Лиза, открыла дверь своей комнаты. – Все в порядке. Честно. Просто накатило.

– Ну-ну... – Соседка Таня покусала губы, осуждающе качнула головой. – Накатило на нее. И ушла к себе, вспомнив, что через десять минут начинается ее любимый сериал.

Она успела сделать себе четыре бутерброда со сладким перцем и ветчиной, успела позвонить маме, обещав еще раз с ней связаться в рекламную паузу. Успела подумать, что Лиза неправильно ведет себя по отношению к Женьке. Вернее, он неправильно себя ведет с ней. Использует. Мучает. Держит на коротком поводке. Причем с первого курса. Потом она заварила себе чайник элитного зеленого чая. Достала большую чашку. И стоило поползти по экрану титрам, забыла обо всем.

Сегодня шло сразу четыре серии. Это целых четыре часа! И сюжет в них крутило так, что она даже всплакнула пару раз. Но маме звонила во время рекламы. И они успевали даже обсудить то, что успели показать. Мама тоже любила этот сериал. И плакала на тех же самых местах, что и дочь.

К концу просмотра четыре бутерброда ушли, будто их и не было. И чая почти не осталось, одни лохмотья заварочные. Она слезла с дивана, на котором сидела с ногами. Сладко потянулась. Решила сходить принять душ, заодно вымыть заварочный чайник, чтобы назавтра к ее возвращению с работы листья чая не покрыло мохнатой плесенью.

Таня взяла в одну руку резиновую сумочку, с которой обычно ходила в душ. В ней было мыло, мочалка, зубная паста со щеткой, смена белья и банное полотенце. В другую руку – заварочный чайник. Вышла из комнаты. Заперла ее на ключ. Сделала два шага к душевой, расположенной в левом крыле длинного коридора общежития. И тут же замерла от дикого воя.

Ей навстречу не бежала, летела толстуха Лидочка, преподававшая на машиностроительном факультете. Летела явно из душевой, потому что на ней был ее любимый махровый халат с крупными цветами. К груди Лидочка прижимала точно такую же резиновую сумочку с банными принадлежностями. Они все тут с такими ходили в душ. Длинные спутанные волосы Лидочки развевались за спиной, как водоросли.

– Что стряслось, дорогая? – спросила Таня, когда Лидочка с воем промчалась мимо нее, топая, как слониха. – Лида, остановись!

– Там, там... – Лидочка резко встала, обернулась и тут же начала пятиться к своей комнате.

– Что там? Мышь? Крыса?

Таня закатила глаза, припоминая Лидочке прошлогодний переполох, когда та так же вот летела по коридору из душа почти голышом. Лидочка тогда еле успела полотенцем обернуться, выбегая. Оказалось, в душе по ее ноге пробежал мышонок.

– Там... Господи, ужас какой! – Лидочка всхлипнула. – Там Лиза!

– Где там?

– В душевой. В душевой Лиза.

Крупные цветы на ее махровом халате вдруг пришли в движение. Лидочку начало трясти.

– И что Лиза?

– На ней... На ней нет... – Лидочка снова завывала.

– Одежды? На ней нет одежды?

Таня ядовито заулыбалась. Ей было известно, что Лиза избегала посещать душевую, когда там кто-то был. Стеснительной была от природы или скрывала какое-то физическое уродство, было непонятно. Но себя голую Лиза ото всех прятала.

– На ней нет лица! – прохрипела Лидочка.

И ее вдруг стошнило прямо в коридоре. Прямо в метре от Таниной двери.

– Твою же мать! – взревела Таня, бешено вращая глазами. – Ты чего наделала?! Убери немедленно!

Она отперла свою дверь, швырнула резиновую сумочку у порога, поставила заварочный чайник на тумбочку, снова заперла дверь на ключ и решительным шагом двинулась к душевым. Бедная Лидочка кинула на пол свое банное полотенце, пытаясь вытереть блевотину.

Шум воды в душевой был слышен издали. Понятное дело, Лидочка не закрыла ни одной двери. Ни в саму душевую, ни в раздевалку, которая располагалась перед кабинками. Вода била мощными струями в двух кабинках. Одна оказалась пустой. Понятно, оттуда выбежала Лидочка. Таня боком протиснулась вдоль стены, выложенной дешевым кафелем, перекрыла воду. Шагнула ко второй кабинке. Дверь была прикрыта, но не заперта. Она потянула ее и...

И заорала благим матом, пятась.

Голая Лиза сидела в самом углу, подтянув колени к подбородку. На ней действительно не было лица. Но не в том смысле, когда так говорят о расстроенном человеке, о человеке, убитом горем. А в том смысле, что так говорят об убитом человеке. О человеке, с лица которого содрали кожу.

Как она вышла из душевой, Таня плохо помнила. Еле переставляя ноги, дошла до своей двери, где все еще торчала Лидочка, пытаясь утоптать в махру полотенца рвоту. Таня еще удивилась способности этой крупной женщины передвигаться с такой бешеной скоростью после всего увиденного. Ее лично ноги едва держали.

– Видела?! – Лидочка повернула к ней болезненно сморщенное лицо.

– Видела.

– Что же делать-то, Таня?! Что же теперь делать?! – завывала Лидочка, приваливаясь спиной к стене.

– Звонить в полицию, – отозвалась та, оседая на пол.

Глава 5

В кабинете было так тихо, что, случись тут проползти муравью, они бы услышали. Егорова сверлила взглядом стол. Она могла бы запросто закрыть глаза и задремать, они бы не заметили, так низко была опущена ее голова.

Федор Иванович Хорцев сидел, не шевелясь и уставив взгляд за окно, за которым на город начинало наплывать раннее ненастье. Взгляд, ничего ровным счетом не выражающий.

Кирилл сидел в своей излюбленной позе: скрещенные ноги вытянуты под столом, сцепленные замком пальцы на животе, глаза полуприкрыты. Со стороны могло показаться, что он дремлет, но это было не так.

Никто из них не дремал и не был спокоен. А тишина, повисшая в кабинете, была совершенно точно зловещей. Потому что минуту назад из дежурной части поступил звонок о страшной находке в душевой общежития студенческого городка. Тридцать секунд назад Хорцев им озвучил информацию. И десять секунд назад они все замерли, как перед прыжком.

– Серия? – неприятным скрипучим голосом спросил Хорцев, не отводя от окна остановившегося взгляда.

– Не факт, – отозвалась Егорова. – В первом случае мужчина и женщина. И с них всего лишь сняли скальпы. А здесь...

Они услышали, как она пытается судорожно сглотнуть.

– А здесь с лица содрали кожу, – закончил за нее Кирилл, не меняя позы. – И мы можем сколько угодно гадать, один ли это убийца или другой, пока не увидим все своими глазами и не узнаем заключение эксперта.

– Поехали. – Хорцев начал подниматься с места так тяжело, так медленно, словно у него воспалились все суставы сразу.

– Поехали, – подскочила пружиной Егорова. Ее щеки были белее белого.

– Поехали.

Кирилл медленно подтянул ноги, сел в рабочем кресле прямо, хрустнул шеей, словно разминался перед спаррингом. Поднял руки вверх, потянулся и лишь тогда поднялся во весь рост и повторил за всеми:

– Поехали.

Они снова все ехали на место преступления на его машине. Он не любил добираться на служебном автомобиле. Пока всех дожدهшься...

Долго молчали. Но на подъезде к студенческому городку заговорили вдруг все разом.

– Может, наследил на этот раз? – с надеждой проговорила Егорова. – Не как в прошлый раз, а? Там ему никто не мешал зачищаться, а тут велик риск. Кто угодно мог войти в душевую. Может, наследил?

– Это в воде-то? – недоверчиво фыркнул Хорцев и начал водить шеей, будто его душил расстегнутый воротник рубашки. – Надо было уходить полгода назад. Зачем остался?! Идиот! Сейчас бы снял дачку в Крыму. Жил бы там с семьей все лето. Фрукты ел.

– Он не мог остаться незамеченным в такое время суток, – будто не слыша майора, произнес Кирилл. – Кто-то да видел его. Где-то он да засветился. Пусть и не наследил, но не мог он пройти сюда незамеченным. Раз, два, три... У каждого шлагбаума по камере.

Они как раз подъехали к одному из них.

– Вот смотрите, – палец Кирилла трижды ткнул в воздух в разных направлениях. – Вот одна, вот вторая. А вот третья. Кругом высокий забор. Не лез же он через него белым днем!

– Значит, все-таки он? – Егорова уставилась на него с интересом. – Значит, все-таки серия?

– Он – это преступник, – огрызнулся Кирилл.

– И он, если это тот же преступник, что и в микрорайоне Звездный, – со вздохом закончил Хорцев. – Поскольку она не смогла бы справиться и с мужчиной и с женщиной. Сил бы не хватило. И поскольку в крови погибших не было обнаружено никаких психотропных веществ, то смею предположить, что убийцей был мужчина.

Кириллу хотелось добавить, что он это сказал через десять минут после осмотра места преступления. Даже не дожидаясь заключения экспертов, он об этом сказал. Еще там, на Звездной.

– И если в крови найденной в душевой девушки не обнаружится никаких психотропных веществ, то...

И Хорцев замолчал. И полез из машины. Он просто не знал, как закончить. Не знал, как объединить оба этих преступления в серию. Или не хотел. Потому что простое убийство – это одно, а убийство маньяком – это совсем другое. Это страшнее в разы. И безнадежнее. Никто и никогда на его памяти не мог вычислить ни одного маньяка. Пока они сами случайно не попадались. Никто и никогда не мог предположить, где будет нанесен очередной удар каким-нибудь уродом со сдвигом в мозгах. Хватали других людей, даже отдавали под суд, а убийства продолжались.

Он подошел к охраннику, представился и узнал, как пройти к студенческому общежитию. Махнул рукой своим подчиненным, чтобы следовали за ним, и пошел вперед, не оборачиваясь.

– Ты иди, я щас, – буркнул Кирилл Егоровой.

Закрыв машину и ленивой походкой двинул к будке охранника.

– Привет.

– Здравствуйте, – хмуро ответил охранник.

Кирилл встал спиной к смотровому окну и огляделся. Обзор замечательный. Враг не пройдет, что называется.

– Никого посторонних я не впускал, если что, – поспешил выступить охранник в свою защиту. – Всех посторонних регистрирую.

– Где? – не поворачивая в его сторону голову, спросил Кирилл; он не сводил глаз с улицы, с проезжей части, откуда несколько минут назад свернул сам.

– В журнале.

– Кто-то сегодня регистрировался?

– Трое. Все в деканат. Могу назвать поименно. С паспортными данными. Показать записи?

– Не надо. Кто они? Просто скажи.

Кирилл скользнул по нему взглядом и даже посочувствовал. Начнут теперь нервы мотать парню. А он разве может предугадать: идет человек в деканат или в общежитие девушку убивать. На нем не написано. И не проследишь за ним от шлагбаума. И чип не вживишь.

– Два парня. Один мужчина.

– Хорошо. Копию можешь сделать нужной страницы?

– Легко.

– Замечательно. Да и остальным охранникам передай мою личную просьбу.

– Хорошо.

– Этим вы поможете в поимке преступника, – пробормотал Кирилл скороговоркой и ткнул пальцем в направлении камеры. – И записи. Конечно, копии записей с камер. За весь сегодняшний день. С самого утра. Девушка эта. Может, выходила сегодня куда-то? Заходила? Может, не одна?

– Одна она была, – вдруг сказал охранник и опустил голову. – Знаю я ее. Лиза. Хорошая девушка. Работать осталась в университете после окончания. Как и я. Только она на кафедре, а я вот в охране.

– А что так? – удивленно вскинул брови Кирилл.

- Так вышло.
- А откуда знаешь, кого убили?
- Звонили из общаги. Уже после того, как вас вызвали и врачей.
- Врачей-то зачем?
- Надеялись. – Он странно шмыгнул носом и отвернулся.
- Итак, давай сначала.

Кирилл встал перед охранником, присмотрелся еще внимательнее.

Молодой парень. Лет двадцать пять, не больше. Остался работать после окончания университета. Странно, что охранником. Плохо учился? Или причина в другом? К примеру, остался тут, чтобы быть поближе к той же Лизе? Может, тайно был в нее влюблен?

– Тебе позвонили из общежития?

– Да.

– Кто?

– Татьяна. Ее комната напротив Лизиной.

Ого! Даже знает, кто в каких комнатах живет! Жил. Все интереснее!

– Вы не смотрите так, капитан. У меня с Таней отношения были полгода назад. Я весь их этаж знаю. Иногда после одиннадцати к ним гостей на машинах впускаю.

– Нарушаете, стало быть?

– Случается.

– Итак... Позвонила Таня. Что сказала?

– Орала, как ненормальная. Рыдала. Сказала, что Лизку в душевой нашли всю в крови. Лицо содрано. Говорю, оцарапала, что ли? Не понял сразу. А она...

– Таня?

– Таня. Орет еще сильнее. Врачей, говорит, вызвала и полицию.

– Врачей-то зачем? – снова повторил с сожалением Кирилл.

– Никто к ней не подходил. Никто ее не трогал. Надеялись, что, может, живая. – Он тяжело вздохнул и снова умолк.

– Врачи приезжали?

– Да. Быстро приехали. Таня позвонила, сказала, что констатировали смерть. Предварительно – от колотых ран. Они еще там, кстати. Машину я не выпускал. Вас, наверное, ждут.

– Ну да. Наверное. – Кирилл шагнул за шлагбаум. Тут же затормозил. – Она выходила сегодня, вы сказали? Одна?

– Да.

– Во сколько это было?

– Точно не скажу. – Он попытался вспомнить, но лишь покачал головой. – Не хочу врать.

Не помню время. Да на записях с камер можно глянуть.

– Глянем, – пообещал Кирилл с кривой ухмылкой. – Вернулась тоже не помните когда?

– Нет. Может, часов пять назад. Может, чуть больше. – Охранник развел руками. – Надо на записи глянуть.

– Глянем. – Кирилл повернулся, чтобы уйти, но снова остановился. – А кто нашел тело?

– Что? – парень сильно вздрогнул.

– Таня вам позвонила и сказала, что Лизу в душевой нашли. Так?

– Так.

– Кто нашел? Она не сказала?

– Нет. Кажется, нет. Не помню я! – возмутился вдруг охранник. – У меня и так голова кругом. Она орала в трубку. Может, и говорила. Не помню!

Врет, подумал Кирилл. Зачем? Что за причина? Хочет уберечь себя от дальнейших распросов? Или что-то еще? Непонятно. Машины он, понимаешь, пропускал после одиннадцати. Может, и людей пускал без регистрации? Ладно, на записях с камер все будет видно.

Пока он дошел до общежития, прошло минут десять. Приходилось останавливаться возле стихийно возникающих групп, где активно делились страшной новостью. И Кирилл слушал, слушал, слушал.

– Где тебя носит? – закрипел зубами бледный до синевы Хорцев.

Когда Кирилл поднялся на этаж, где произошло убийство, он как раз общался с врачом «Скорой», ожидая приезда группы. Егорова вела опрос каких-то женщин. Кириллу был виден ее профиль в одной из открытых дверей.

– Говорю, народ, – развел руками Кирилл и обратился к врачу: – Ее зарезали?

– Ее изрезали, молодой человек, – кивнул доктор – мужчина средних лет с гладко выбритым лицом. – Вскрытие покажет, какое из ножевых ранений оказалось смертельным. Но даже навскидку скажу вам, что ран не менее двадцати. Я специально не считал.

– А лицо?

– Вы хотите спросить, сняли кожу с живой или мертвой?

– Да.

Хорцев за спиной Кирилла странно хрюкнул, и через мгновение Кирилл отчетливо услышал его удаляющиеся по длинному коридору шаги.

– Не могу сказать, молодой человек, – доктор тронул свою высокую шапочку, поправляя краешки на ушах. – После вскрытия все выводы.

– Я могу на нее взглянуть?

– Да. Мы ничего не трогали. Просто констатировали смерть, не более. Сейчас ваши подъедут и...

Через два часа у начальника отдела полиции было созвано экстренное совещание.

– Идемте все вместе, – сказал Хорцев, закинул под язык две какие-то таблетки и едва слышно проворчал: – Зачем, не пойму. Будто я не смогу доложить.

– Я не просто так вызвал вас всех вместе, – начал полковник совещание, оглядев их всех по очереди. – Хочу выслушать каждого.

Хорцев что-то снова пробурчал. Кирилл отчетливо услышал: я бы мог сам, и погасил свое удивление. Начальник никогда не ревновал, если полковник выделял кого-то из них, называя умником. Что-то поменялось? Видимо...

– Начнем с вас, Федор Иванович. Что можете сказать по существу вопроса?

Хорцев встал и обрисовал картину происшествия. Достаточно детально, правда, без лишних подробностей, касающихся состояния тела погибшей.

– Попасть на территорию постороннему практически невозможно. Убийство совершено кем-то из своих. Поэтому смею предположить, что сегодняшнее убийство никакого отношения не имеет к убийству в микрорайоне Звездный на улице Звездной, – завершил майор свое выступление.

Перед тем как сесть на место, он предостерегающе покосился на Кирилла. Они так и не успели толком поговорить после возвращения с места преступления. Егорову Хорцев внимательно выслушал, а его нет. Отмахнулся. А зря.

– лейтенант? – вопросительно глянул на Егорову полковник. – Есть что добавить?

Посмела бы она! Кирилл еле удержался, чтобы не фыркнуть.

– Никак нет, товарищ полковник. Товарищ майор все... – Она смутилась оттого, что ей предложили покритиковать начальство. – Никак нет.

И она со злым красным лицом уселась напротив Кирилла. Он не удержался и подмигнул. Хорцев насупленно наблюдал за ними.

– Капитан? – голос полковника сделался строже. – Может, прекратим клоунаду и займемся уже делом?

– Так точно, товарищ полковник.

Кирилл неловко поднялся. Ему всегда было тяжело это делать из-за высокого роста и неудобных, тяжелых стульев вокруг стола переговоров. Либо стулья громыхали, либо он непозволительно долго поднимался, и со стороны казалось, будто он ленится.

– Что можете добавить к сказанному, капитан?

– Ну...

Кирилл закатил глаза к потолку, не зная, с чего начать. У него была кое-какая информация, которую не пожелал выслушать Хорцев. Попросту отмахнулся. С Егоровой любезничал.

– Да что он может добавить, товарищ полковник, если на место происшествия подошел через двадцать минут после того, как прибыли туда мы. – И Хорцев ткнул себя в грудь пальцем, а потом кивнул в сторону Егоровой: – Лейтенант уже половину проживающих в общежитии опросить успела, когда наше высочество соблаговолило явиться. И в отдел приехал почти через час после нашего возвращения. Мы с группой давно вернулись, а он лишь через час. Хотя отъезжали от студенческого городка одновременно.

– Майор, – одернул его полковник. – Мы уже вас выслушали. Итак, Игнатов? Есть что добавить?

Кирилл даже не сразу понял, что Хорцев его только что классически слил перед полковником. Попросту сдал. Наябедничал. Вообще непонятно! За что вдруг такая немилость?

И очень обиделся на майора.

– Через двадцать минут на место происшествия я явился потому, что вел опрос на территории, прилегающей к общежитию. И кое-что мне удалось узнать.

– И что же? – Хорцев нехорошо улыбнулся, разворачиваясь к нему всем корпусом. – Чего мы еще не знаем, а, капитан Игнатов?

– И потом в отдел я приехал спустя час после возвращения товарища майора и лейтенанта, потому что поехал на железнодорожный вокзал.

– Путешествовать собрался? – снова съязвил Хорцев.

– На железнодорожном вокзале я также вел опрос, – ответил Кирилл и с силой стиснул зубы.

Он вообще ничего не понимал. Что за метаморфозы?! Куда подевался лояльный Федор Иванович Хорцев? Что с ним такое? Да, Кирилл не был паинькой и иногда нарушал дисциплину. Но он с лихвой отработывал свои промахи. И Хорцев как-то всегда закрывал глаза на его опоздания или уходы со службы раньше положенного времени. Почти бессловесно. А тут вдруг перед полковником! А Егорова, дрянь, сидит и улыбается!

– Докладывайте, капитан. Что вам удалось узнать? Только, прошу, не повторяться, – предостерег полковник, кивая в сторону Хорцева. – Нет нужды слушать то, о чем уже доложил ваш непосредственный руководитель.

– Так точно. – Кирилл встал прямо. – Докладываю... Мне удалось узнать, что, невзирая на серьезную охрану по периметру, попасть на территорию студенческого городка достаточно просто. Машина, да, не всякая проедет, а вот пешеход – запросто. И регистрация в журналах ведется из рук вон плохо. Достаточно отойти охраннику, – а они отходят периодически, – как на территорию проходят посторонние.

– Как же это возможно, Игнатов?

– Между стеной и турникетом имеется приличный зазор. Там спокойно может протиснуться человек средней комплекции. Я пробовал. У меня получилось.

– Так, ясно, – полковник насупился. – А записи с камер?

– Мы изъяли их, товарищ полковник, – встрепенулся майор Хорцев.

– А я успел просмотреть, товарищ полковник, – нехорошо улыбнулся Егоровой Кирилл. – Народу с утра прошло туда и обратно много. Лиц практически не различить. Кого-то узнала охрана. Уверяют, что это кто-то из проживающих. Кого-то не узнали. И по журналам регистрации не нашли.

– И сколько же было этих неопознанных личностей?

– Лично я насчитал двадцать человек, товарищ полковник. На записях с трех камер я насчитал двадцать человек, не прошедших регистрацию, не проживающих в студгородке. Двенадцать из них – женщины. Мы их не берем в расчет, поскольку преступление было совершено, по утверждениям экспертов, мужчиной.

– Или очень сильной, крупной женщиной, – перебил его Хорцев. И снова поддел: – Надо было присутствовать на месте происшествия, чтобы знать об этом.

– Возможно... Но сильная, крупная женщина не протиснулась бы в щель между стеной и турникетом. Это мужчина. – Полковник одобрительно кивнул, Кирилл продолжил: – Из восьми мужчин, которые проникли на территорию без регистрации, мое внимание привлекли двое. Оба прошли турникет почти следом за погибшей. С интервалом в пятнадцать с половиной минут. Один из них прошел через семь минут после того, как наша жертва попала на территорию студгородка, второй – через пятнадцать с половиной минут после первого. Оба не зарегистрировались. Вот их фото.

И он вытащил из заднего кармана темных джинсов две распечатанные на принтере фотографии с записи с камер видеонаблюдения.

– Лиц не видно, – внимательно посмотрев, полковник двинул их в сторону нахохлившегося Хорцева. – Что молчишь, майор? Не так уж и плох наше высочество, а? Пока вы ноющих соседок опрашивали, не могущих рассказать что-то по существу, он вон сколько работы, понимаешь, проделал. Молодец, капитан. Есть что добавить к сказанному?

– Так точно, товарищ полковник.

Кирилл мысленно щелкнул Егорову по носу.

– Продолжай, – полковник спрятал ухмылку, прикрыв рот ладонью.

– Мне стало известно, что погибшая Елизавета Воронцова незадолго до своей гибели ездила на железнодорожный вокзал. – Кирилл назвал, какой именно. – Провожать своего студенческого друга.

– Нам об этом известно, – зло фыркнул Хорцев. – Повторяешься, капитан. Я докладывал.

– Вернулась она оттуда сильно помятой. Одежда была в пыли.

– И об этом я говорил! – вспыхнул Хорцев, выставив обе ладони над столом. – Товарищ полковник!

– Продолжай, капитан, – кивком позволил полковник. – Только по существу.

– Я поехал на тот вокзал. Узнал, с какой платформы уходил поезд, которым уезжал ее студенческий друг. Он писал ей на мобильный. Вы же прочли ее сообщения, Федор Иванович?

Федор Иванович не прочел, поняли они по его молчанию. Он упаковал ее мобильник в пакет, поскольку ее телефон стал вещдоком, и на время о нем позабыл. Его сильно мучило от увиденного в душевой общежития. Не терпелось на воздух. И на работу, в тишину рабочего кабинета не терпелось вернуться. И уже там основательно все сопоставить и поразмыслить. Ну не мог он думать рядом с этой чертовой душевой, залитой кровью убитой девушки! Без конца перед глазами всплывали белые косточки ее скул.

Кирилл о его мучениях ничего не знал. Он упросил эксперта вытащить телефон из пакета и в его присутствии, в резиновых перчатках, быстро просмотрел журналы звонков и сообщений. Телефон тут же вернул эксперту с благодарностью.

– Что на вокзале? – Хорцев убрал ладони со стола, плотно сжал губы.

– Мне удалось отыскать носильщика, который возил багаж именно к этому поезду. И он кое-что мне сообщил.

– И что же?

– Он рассказал, что, как только поезд отошел от перрона, по лестнице поднялась девушка. Лестница ведет вниз, с платформы, к рельсам, – пояснил Кирилл, пристально глядя на Егорову. – Она показалась носильщику испуганной и была перепачкана пылью.

– Она что-то говорила ему? Просила о помощи?

– Нет. Она просто пробежала мимо него. Повторяю: ему она показалась испуганной.

– Почему? – подала голос Егорова.

– Она все время оглядывалась, тяжело и часто дышала.

– Может, это была другая девушка, – высказался Хорцев.

– Нет. Это была Лиза Воронцова. Носильщик точно описал ее. И одежду, которая на ней была надета. Мы нашли эту одежду в ее комнате. Разве нет, Федор Иванович? Мешковатый тонкий свитер, широкие штаны. Все перепачкано. Голову даю на отсечение, эксперт найдет что-нибудь такое, что бывает только на железной дороге.

– Подождем заключения экспертов, – вставил полковник. – Что-то еще есть добавить, Кирилл?

То, что начальство обратилось к капитану по имени, Хорцеву не понравилось. Еще плотнее стиснув губы, он зло глянул на Кирилла.

– Так точно. Есть, товарищ полковник. – Кирилл дотянулся до одной из фотографий, на которые майор Хорцев едва взглянул. – Носильщик не стал утверждать, он не уверен на сто процентов, но вот этот человек показался ему знакомым.

– Знакомым?

– Да. Он уверяет, что некто похожий поднялся по лестнице и прошел мимо него по перрону спустя несколько минут после того, как пробежала девчонка.

– То есть мы можем предположить, что бежала она именно от него? Интересные факты, капитан. Молодец. Присаживайся.

Кирилл с облегчением сел на место. Под коленками, куда упиралось сиденье тяжелого стула, ныло от напряжения.

– У меня вопрос, позволите, товарищ полковник? – пискнула противная Егорова.

Полковник согласно кивнул.

– Что могла делать Воронцова на рельсах, если она отправилась провожать своего друга? К вагону отправилась провожать. Что на рельсах-то забыла? – проговорила Егорова, недоуменно округляя карие глаза.

– А вот этот вопрос разумнее задать ее другу, которого она отправилась провожать, – Евгению Сысоеву.

Глава 6

– Светочка, и что теперь с нами будет?

Темно-синие глаза Лялечки с невероятно густой подводкой наполнились слезами.

– Ничего не будет. – Света громко отхлебнула горячего растворимого кофе из высокой чашки черного стекла. – Как работали, так и продолжим работать.

– Считаешь? – накладные ресницы Лялечки заметались вверх-вниз. – А вдруг нет?!

– Что нет, Ляля?

Света досадливо поморщилась. Было непонятно, раздражают ее слова Лялечки или вкус дешевого растворимого кофе.

– Вдруг новый хозяин наберет новых сотрудников? Ему же теперь, как Верочке, не нужно спрашивать разрешения. Он теперь полновластный хозяин и...

– Ляля, не мели чепухи. – Света с грохотом поставила на стол чашку черного стекла, передернулась. – Какая гадость!

– Да что я такого сказала? – Темно-синие глаза Лялечки наполнились неподдельными слезами. – Я ничего такого, чтобы ты ругалась.

– Я про кофе. Успокойся. – Света дотянулась и тронула нежный нейлоновый халатик на коленке Ляли. – Прежняя хозяйка обязывала Веру нас отменным кофе поить. И к праздникам подарочные пакеты выдавала. Крутые наборы, помню, бывали. С икрой и семгой. Ананасами и сыровяленой колбасой.

– Да, – с печалью выдохнула Ляля.

– А теперь вот приходится дешевым растворимым кофе давиться.

Света встала с места и тяжело заходила по тесной комнатке отдыха, где размещались узкая кушетка, два барных стула, высокая столешница и маленький холодильник. Прежде здесь стояла еще и кофемашина, но неделю назад она исчезла. И Вера не ответила ни на один из вопросов девочек: куда же могла подеваться кофемашина? Следом за кофемашиной исчез огромный мешок с элитным кофе в зернах. Стоял себе, стоял в уголке и вдруг исчез.

Про кофе девочки даже спрашивать не стали. Зачем? Его теперь и готовить-то не на чем.

Окон в комнатке не было, и к вечеру здесь становилось очень душно даже в морозные дни. Атмосфера насыщалась смесью ароматов духов и косметики, которой пользовались девочки. Иногда пахло потом. Это если Вера заходила. От нее всегда несло, как от лошади.

– Наталь Пална, помню, всегда ей разнос за это устраивала, – вдруг зачем-то вспомнила Света. – Говорила, как можно быть лицом салона красоты и вонять потом! Сама она всегда была ухоженна, приятна, красива.

– Ну-у-у, характер-то у нее тоже не сахар был, – не согласилась Лялечка, сложила губы трубочкой и подула на только что нанесенный лак на левом мизинчике. – Тоже могла и накричать, и наругать.

– Чего мелешь-то, Ляля? – обиделась за покойную хозяйку Света. – На тебя лично кричала?

– Ну, нет как бы, но...

– Но! Вот сиди и помалкивай тогда. Кричала она! Если и кричала, то за дело. И в основном на Веру. Потому что было за что.

– А Вера и не обижалась.

– Не обижалась, – кивнула Света. И понизила голос до шепота, успев щелкнуть себя по горлу: – Потому что было за что.

– Думаешь, Наталья Пална знала? – ахнула Лялечка и, контрольно подув на мизинчик, приложила ладонку к губам. – А я-то думала, что нет.

– Она обо всем знала. Обо всем! – подчеркнула Света. – Хоть и появлялась тут раз в месяц. Думаю, ей кто-то стучал.

– Это не я! – вспыхнула Лялечка до корней высветленных волос. – Я никогда...

– Да знаю я, – отмахнулась от нее Света. – Думаю, это Ниночка. Из мужского зала. Такая сахарная. Такая, тварь, вся масляная! Улыбается, нахваливает, а глазами зырк-зырк. Вот она-то и сливала все хозяйке. Обо всем. И знаешь, что я думаю, Ляля?

– Что?

– Вот придет к нам этот человек из полиции, как там его? – Она пощелкала пальчиками.

– Какая-то девушка-лейтенант.

– Вот. Девушка. Лейтенант. Вот придет она, мы ее прямиком к Нинке и отправим. Скажем, лучше ее никто ничего не знает. Мы-то кто?

– Кто?

– Мы-то работяги. А она кто?

– Кто?

Лялечка слушала коллегу с широко раскрытым ртом. Она даже не заметила, как мазнула невысохшим ноготком на мизинчике по нейлоновому халатику. А за испачканный намертво халатик штрафовали!

– А она информатор. Лицо, приближенное к императрице! – Света округлила глаза и довольно заухмылялась. – Вот пускай и отдувается.

– В смысле? – Лялечка ахнула, заметив след от лака на халатике, схватила ватный диск, средство для снятия лака и принялась оттирать. – В смысле, Свет, отдувается?

– С полицией пускай говорит.

– Считаешь?

Лялечка оттерла халатик, скомкала ватный диск, выбросила в мусорку. Закрутила все флакончики. Встала, одернула халатик. И вдруг говорит:

– Ты не права, Света.

– Почему?

Света стояла у Лялечки за спиной. Слушала аромат ее дорогих духов и злилась. У них были одинаковые с Лялькой духи. А слышались по-разному! На Лялькиной бледной коже аромат казался дорогим и нежным, а ее кожа все это скрадывала. Разбавляла дорогой заграничный аромат природной резкостью.

– Потому что Нинка может наговорить все, что захочет, – возмущенно зашипела Лялечка.

И отошла подальше, подозрительно покосившись на Свету, которая за ее спиной шумно двигала носом.

– Ей только дай волю, она с три короба наврет. И у нас с тобой шансов оправдаться не будет.

– А чего это нам оправдываться? – Света, застигнутая на месте преступления, отвернулась.

– А то! Наталь Пална звонила, когда приехала с отдыха? Звонила. Нинка это слышала? Слышала. Думаешь, не разболтает?

– Думаю, нет.

Света вдруг замерла в странной позе посреди комнатки отдыха. Голова низко опущена, спина сторблена, руки в карманах халатика, который натянулся на ее широкой талии так, что того гляди лопнет.

– Слушай меня внимательно, Лялька, – произнесла она спустя несколько минут. – Слушай и запоминай.

– Слушаю. Запоминаю, – послушно кивнула Ляля.

Она была самой младшей из персонала салона красоты. Пришла последней. Встретили ее враждебно. Все, кроме Светы. Света всегда защищала ее перед начальством и делилась кли-

ентами. Они даже как-то вместе слетали на отдых. Вышло неплохо. Света даже не обиделась, когда ее ухажер перевернулся к Ляле. Только махнула рукой и сказала:

– Развлекайся. Мне пофиг.

Поэтому Ляля ей доверяла и во всем слушалась. Во всяком случае, во всем, что касалось работы.

– Когда придет эта девушка из полиции, мы с ней будем вежливы и приветливы. Будем отвечать на ее вопросы честно и откровенно. – Света вытащила из карманов кулаки и потрясла ими перед своим лицом. – Но про тот разговор, который у меня состоялся с Наталь Палной в день ее возвращения с отдыха, ни слова!

– Света, но Нина...

– Плевать на Нину! – перебила ее Света. – Она одна. Нас двое. Кому поверят?

Лялечка покусала губы. Тут же спохватилась. Она же пару недель назад сделала инъекции ботокса, и косметолог предостерегала: не кусать и по возможности аккуратно целоваться. Иначе губы могут потрескаться.

– Ни слова о том, что Наталья Павловна мне звонила! – повторила грозно Света.

Подошла к Лялечке почти вплотную, снова неприятно удивилась приятной силе аромата духов, которыми они пользовались.

– Ты поняла меня, Ляля? – Света осторожно тронула лацкан ее халатика. – Поняла?

– Да. Поняла. Сделаю, как ты скажешь. А если... – И она не удержалась, снова прихватила нижнюю губу зубками.

– Что если?

– А что, если они вычислят ее звонок?

– Как? – Света воткнула кулаки в бока, окинула насмешливым взглядом коллегу. – Ляля, какая же ты...

– Ой! Она же не со своего телефона тебе звонила, – улыбнулась Ляля догадливо.

– Вот!

– Вообще, кажется, с телефона-автомата. Да?

– Не знаю, телефон-автомат или еще какой, но не ее мобильный точно. И не домашний. И вычислить ее звонок не представляется возможным. Если мы, конечно же, будем держать язык за зубами. А мы ведь будем?

– Да. Ты права, Света. Надо молчать. Разговор был пустяковый. Ни о чем, собственно. Как дела, и все такое. А прицепятся – не отвяжешься. Да, ты права.

– Ну, наконец-то! – Света широко распахнула руки, обняла Лялечку и, пританцовывая, зашептала ей на ухо: – Звонок пустяковый. Ни о чем. А полиция прицепится. Станет искать кошку в темной комнате.

– Черную, – подсказала писклявым голосом Ляля.

Ей было очень неудобно в объятиях Светланы. Она слишком крепко прижимала ее к своей объемной груди. И пахло от нее тяжело и остро. Хорошо, она недолго ее тискала. Отступила и, подняв указательный палец вверх, произнесла:

– Вот именно.

Следом она сложила пальцы щепотью и провела ими по губам, словно застегивала на молнию. Лялечка покорно кивнула.

– И на Нинкины провокации не поддаваться. Помни!

Все это Лялечка помнила. И находилась в относительно хорошем настроении весь рабочий день. Клиентов было немало, но никто в очереди не сидел. Как-то так выходило, что следующий клиент подходил как раз тогда, когда она заканчивала с предыдущим. Ей это нравилось. А то валят толпой, невзирая на запись. Потом сидят в креслах, дуются, на часы без конца поглядывают.

К концу рабочего дня кармашек ее халатика оттопыривали приличные чаевые. Верочка им разрешала их брать и не просила делиться. Наталья Павловна о них вообще ничего не знала. Как поведет себя новый хозяин, им пока было неизвестно.

До конца рабочего дня оставалось полчаса. Клиентов больше не было. Света куда-то вышла. Ляля смела в совок состриженные волосы, выбросила в мусорный контейнер. Собрала инструменты и пошла к раковине.

– Привет. Освободилась? Разговор есть.

Нина – мастер из мужского зала, та самая, которая, по их подозрениям, стучала Наталье Павловне, – стояла, подперев плечом притолоку, и смотрела на нее сердитыми глазами.

– Слушаю тебя. – Лялочка сосредоточенно промывала расчески под мощной струей горячей воды.

– Может, выйдем? – предложила Ниночка.

– Ой, извини, мне еще убрать место надо. И уйти пораньше хотела минут на десять-пятнадцать. Так что... Говори, что хотела.

Ляля вежливо улыбнулась, стараясь не глядеть в ее неприятное злое лицо.

– Ну, уйти-то пораньше у тебя вряд ли получится, – фыркнула Нина и вихляющей походкой прошла в женский зал. – Сейчас из полиции человек подойдет. Вера просила всех задержаться. Ее личная просьба!

– Хорошо. Задержимся.

По спине Лялочки побежали капельки ледяного пота. Прямо как-то внезапно, будто Нина ей за шиворот из опрыскивателя полила.

– Может, порепетируем, что говорить будем?

– Что?

Лялочка резко обернулась и уставилась на Нину. Та нервно покусывала губы. Она могла себе позволить. Они у нее были настоящими, пухлыми от природы. Очень пухлыми.

– В каком смысле – порепетируем?

– В том самом, в котором ты сегодня со Светкой репетировала.

– Ничего мы не... – Лялочка отрицательно замотала головой.

И беспомощно оглянулась. Ну куда же Света запропастилась? Ушла уже минут десять назад, и нет ее. Кофе пьет? Так от растворимого у нее уже час назад случилась изжога. Курить она не может, потому что презирает эту вредную привычку. Где она?

– Светку ищешь? Так она ушла. – Пухлые губы Нины расплзлись в довольной ухмылке.

– Куда ушла? – не поняла Ляля.

– Домой ушла.

– Как домой?

Ляля скользнула взглядом по рабочему месту Светланы. Сумки нет. На столике прибрано. И халатик! Халатик висит на вешалке. Как же она не заметила? Курица! Вот она курица!

– А вот так. Договаривалась с тобой, договаривалась весь обеденный перерыв, и взяла и кинула тебя. Оставила на растерзание полиции. – Нина повысила голос. – Поэтому я тебе настоятельно советую, Ляля, дружить со мной. И договориться, пока не поздно.

– Да о чем? О чем нам с тобой договариваться, Нина? – Ляля в сердцах швырнула расчески снова в раковину.

– О том, что станем говорить полицейским. – Нина подергала точеными плечиками. – Ты же понимаешь, что им нельзя говорить всего.

– То есть? – Ляля выключила воду и села в клиентское кресло на своем рабочем месте.

– Им нельзя говорить всей правды, Ляля. – Нина уставила на нее змеиные глаза. – Любое сказанное слово может быть использовано против нас. Ты это понимаешь?

– Допустим.

– А если понимаешь, то про звонок Натальи Павловны молчи!

– Про какой звонок? – Ляля почувствовала, как ее бледные щеки окрасились в красный, она часто заморгала. – Я не понимаю, о чем ты?

– Ах вон как! – Нина рассмеялась, шлепнув себя по коленям ладошками. – Молодец, Ляля! Сто баллов. Зачет!

– Хватит! – вдруг крикнула Ляля, вскакивая с места. – Хватит ржать, Нинка! Ведешь себя как дура! Что ты от меня хочешь вообще? Что ты все ходишь, вынюхиваешь? Иди, иди в свой зал!

– Я пойду. Хорошо, дорогая. Как скажешь. – Нина встала, той же самой развязной походкой дошла до дверного проема, обернулась на Лялечку. – Все, что я хотела, я узнала.

И она ушла. И не слышала, как Лялечка прошептала ей в спину:

– Гадина!

И не видела, как Лялечка тут же кинулась к мобильному телефону и принялась названивать Светлане. А та вдруг оказалась вне зоны действия сети. И когда вместо девушки из полиции к ним в салон для разговора явился высокий рыжеволосый парень, Лялечка неожиданно расплакалась. Но плакала она тихо, украдкой. В комнате отдыха. Подальше от любопытных глаз.

Нина этого не видела. И знать не могла о причине ее слез.

А плакала Лялечка, потому что неожиданно посчитала себя преданной.

Глава 7

Молодой человек, сидевший в допросной комнате перед Кириллом, так сильно трясся всем телом, что стул под ним тихонько поскрипывал. Он старательно зажимал коленями ладони, крепко сжимал челюсти, глубоко дышал, но справиться со страхом не выходило. Об этом свидетельствовал его затравленный плывущий взгляд и странная трясучка, выводившая Кирилла из себя.

– Вы чего так нервничаете, Евгений?

– Что? – Парень дернулся, будто Кирилл отвесил ему пощечину.

– Чего трясетесь, гражданин Сысоев?

Тот потупил взгляд. Подумал. Потом поднял глаза на Кирилла и ответил:

– А вы бы не тряслись? Когда... Когда узнали бы, что вашу хорошую знакомую убили! Убили таким зверским способом! Господи!

Он закрыл лицо руками и громко всхлипнул. Неподдельно.

Евгений вообще достаточно искренне переживал. С первой минуты, как узнал о страшной гибели своей студенческой подружки. Кирилл это видел своими глазами, поскольку сам за ним ездил. На вокзал. Встречал.

– Кто ее мог убить? – спросил Кирилл, не сводя взгляда с Евгения.

– Я-то откуда знаю?! – отозвался тот сиплым голосом.

– Никого не подозреваете?

– Нет, – очень быстро, даже не успев подумать, ответил тот.

Значит, кого-то подозревает, вдруг подумал Кирилл.

– У нее были враги?

– У Лизки? Да вы что! Она же святой человек... была, – добавил он с горечью. – Даже в голове не укладывается! Слушайте, а может, это тот же маньяк, который мужчину и женщину какое-то время назад убил? Еще писали, что там что-то тоже такое страшное случилось.

– Вы читали? – удивленно приподнял брови Кирилл.

– Да, в Сети много писали. Ужасы какие-то рассказывали. Честно, не поверил. А теперь вот, когда с Лизой так же... – Его лицо болезненно сморщилось. – Какой-то псих... Это ведь какой-то псих, да? Нормальный человек не может так убивать!

– Начнем с того, что нормальный человек вообще не станет убивать. – Кирилл откинулся на спинку стула, вытянул ноги, скрестил руки перед грудью и лениво моргнул. – И прежних жертв, скажу вам по секрету, оскальпировали. У вашей подружки срезали кожу с лица.

– Прекратите! – Евгений с силой прижал ладонь ко рту, принявшись еще глубже дышать. Его тошнило.

– Хорошо, – сжалился над ним Кирилл. – Давайте опустим подробности и поговорим детально о другом.

Парень кивнул и еще несколько минут просидел, зажимая рот ладонью, пытаясь справиться с тошнотой. Наконец его отпустило.

– Давайте. Я готов, – пробормотал он не совсем уверенно.

– Что вас связывало с Лизой?

– Мы дружили.

– Вы когда-то спали с ней? То есть я хотел спросить, у вас были интимные отношения?

– Нет, что вы! – Вопрос странно рассмешил Евгения, он даже нашел в себе силы хохотнуть. – Чтобы я с Лизкой! Она же была просто своим парнем и не более.

– А вот она, кажется, вас очень любила.

«И зря!» – добавил про себя Кирилл.

Парень ему не нравился. Слишком лощеный, слишком слащавый, слишком слабый.

– Лизка?! Меня?! Любила?! – Он вытаращился. – Да ладно! Кто сказал-то? Танька наверняка. Та, что напротив Лизки живет. Не верьте ей. Помешана на сериалах. Ей романтик во всем видится и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.